

Сайяр ФОНАРЬ ЧАБАНА

СТИХИ

Перевод с узбекского

МОСКВА

СОВЕТСКИЙ ПИСАТЕЛЬ

1986

Художник Анна Рақша

Сайяр С.

С 14

Фонарь чабана: Стихи. Перевод с узбекского.—
М.: Сов. писатель, 1986. — 160 с.

Сайяр — известный узбекский поэт среднего поколения. Заметное влияние на его творчество оказала переводческая деятельность: он перевел на родной язык многие произведения русской классики и ведущих русских поэтов. Стихи Сайяра — живой и убедительный пример взаимного обогащения братских литератур.

«Фонарь чабана» — книга об Узбекистане, его природе и людях, городах и кишлаках, настоящем и прошлом.

Большой цикл стихов поэт посвятил России.

С 4702570200—318 355—87
083(02)—86

ББК 84.Уз7

© Перевод на русский язык.
Издательство
«Советский писатель», 1986 г.

ПУТИ-ДОРОГИ

Жизнь есть путь...
О, дорог несмолкаемый зов!
Вы, как реки, легли на планете моей.
С горизонтом связуете вы горизонт.
К человеку ведете людей.

Выйдя в путь, обретал друга нового я,
Раскрывалась душа под дорожный напев.
Две судьбы породнились, его и моя,
И сплелись, словно корни дерев.

Я шагал по песку, в самолете летал,
И качала меня океана волна.
Дело жизни своей уточнял, выполнял.
За плечами стояла страна.

Пил я воду из рек и таежных озер,
То была голуба она, то зелена.
Предо мной раскрывался могучий простор...
За плечами стояла страна.

Хлеб и соль оценил я в далеком краю.
Сотрапезникам шлю мой салам!
Их цветы я привез на отчизну свою, —
Вновь увижу, — своими воздам!

Жду гостей дорогих под узбекский я кров.
Только вестер шепнет мне «встречай». —

Приготовлю по старым рецептам я плов,
Заварю ароматный наш чай.

Раскрывают для гостя объяття сады.
Гость желанен всегда, приходи и гости.
Посмотри, наливаются соком плоды, —
Дом узбека стоит на пути. . .

Помни в дальней дороге про наш дастархан.
Как ни ляжет дорога, по сути своей —
Пусть связует Россню и Узбекистан,
И ведет к человеку людей!

АГАВА

Вечнозеленая круглый год,
За океаном она живет.
В мире деревьев она некрасива, —
Никто царицей не назовет.

Но без нее обеднел бы свет.
Таит приземистый силуэт
Мощную силу под толстой корою,
Чтоб расцвести ей раз во сто лет.

Семнадцать тысяч нежных цветов
Распустит к жизни ее любовь!
После цветенья она умирает:
Видно, от века жребий таков. . .

Вряд ли столетье я проживу.
Но видеть хочу я наяву,
Как мысли мои расцвели делами, —
Тогда спокойно склоню главу.

НА УЛИЦАХ

Когда порой по улицам брожу
И ощущаю песни зарожденье,
Я в памяти плохого не держу,
Я вижу — мир раскрыт для вдохновенья.

Над ним сияет небосклон в лучах,
Плывут навстречу дорогие лица. . .
Мы — люди! Мы храним в своих сердцах
Добро, которым следует делиться.

На гребне чувств я словно на коне,
И песня для страны великой зреет.
Ни тень, ни зависть не мешают мне,
Всё — солнечно! Любая встреча греет.

За разговором славным по душам
Крепим земное трудовое братство.
Готов себя раздать я землякам,
У земляков беру их душ богатство.

Пусть не смолкает уличный прибой,
Пусть льется он, как лился он, бывало. . .
Я чувствую в стихии городской:
День музыкой разлит по всем кварталам.

Какая власть дана простым словам!
Какое солнце вновь нам дарит лето!
Поводья слов я сыну передам, —
Он песню жизни поведет по свету.

НА БЕРЕГУ НЕВЫ

Спал город, залит ночью бледной,
Над ним сквозила синева.
На берегу, где всадник Медный,
Шептала мне дастан¹ Нева.

Я голос Пушкина услышал —
Его гражданский вольный стих!
И сердцу стал намного ближе
Вид набережных пустых.

Стоял, внимал Невы рассказу...
И подступило вдруг к глазам:
Вот опечаленный Некрасов
Прошенья пишет мужикам.

Нет, не чернилами, а кровью —
Казенный покрывает лист.
И сердце дрогнуло любовью,
Так этот образ сердцу чист!

Текла спокойно, как Чайковский,
В гранитах темная река...
Зарделась алая полоска.
И в памяти всплыла строка —

«Ночь. Улица. Фонарь. Аптека».
Гляжу: идет навстречу Блок.

¹ Дастан — сказание, поэма.

Железный ветер крутого века
Посеребрил его висок.

Моя история! Тобою
Я в этом городе дышу.
Твоею озарен зарею,
К дворцу неспешно подхожу.

Он — глыбой малахита — зелен,
Он — дар для сердца моего.
И два огня: Октябрь и Ленин —
Волнуют более всего!

ПОБРАТИМ ЗВЕЗД

О звезды, лишавшие прашура сна!
О песни любви, — слышал вас небосклон!
Сегодня и ночь человеку тесна,
Сквозь полог ночной его взор устремлен.

И, звездных цепей разрывая века,
Мечтой окрыленный, — восстал Самарканд!

Он принял в наследство истории бег,
Он судьбы и поиск в одно увязал,
Ведь там, где на небо глядел Улугбек,
Навечно остались светила-глаза.

Глаза Улугбека сияют в ночах,
Чтоб каждый из нас без мечты не зачах!

Иных измерений масштабы встают.
И мысль беспокойная дальше летит.
Иные свершенья приносит нам труд, —
И спутник пространство пронзил, как болид¹.

А ты у истока стоишь, Самарканд,
В твоих цветниках рос ученых талант!

Освоено небо, но космос велик.
Немало нам тайн предстонт разгадать.

¹ Болид — большой и яркий метеор.

Когда прочитаем мы звездный язык,
Что нам завещала Вселенная-мать.

Свети, как звезда, у начала дорог,
О, мой Самарканд, — первый к звездам
порог!

Давно ли ты в небо безмолвно глядел
Глазами влюбленных. Но гордый народ
Для новой эпохи сменил твой удел:
На звездах твое отражение встает!

Да будет судьба твоя впредь высока,
О звезд побратим, мой родной Самарканд!

* * *

Дождями с неба, талым снегом с гор
Струишься ты и радуешь мой взор.

Уносишь прочь с лица земли моей
Вчерашний сор, мираж пустых идей.

В пути, в работе — ты наш лучший друг:
Смываешь грязь с рабочих сильных рук,

Зальешь костер и жажду утолишь. . .
Ты существу всему благоволишь!

Но не очистить и тебе, вода,
Запятнанную душу никогда.

САБЛЯ В ХИВИНСКОМ МУЗЕЕ

Шах подарил как-то шаху клинок.
В подарке шаха есть скрытый намек.
«Саблю держащий свой трон не теряет», —
Некий мудрец — по преданию — изрек.

Шах как-то шаху клинок подарил.
Шах его кровью людской обагрил,
Слезы несчастных его омывали. . .
Шах был в расцвете богатства и сил.

Шаху клинок подарил как-то шах.
Могущество шахов рассыпалось в прах!
Слеп был мудрец! . . . Только сабля сверкает —
Памятью страшной о прошлых веках.

ВЕСЕННИЙ ПОТОК

Он синей жилой набухал
И с каждым часом рос,
Пока вдали рассвет вставал
Алее нежных роз.

Он ширился. . . Через порог
Снегов переступил.
Поберегись! Бежит поток,
Бурлит в расцвете сил.

И тащит по своим волнам
Туда, на дно долин, —
Обломки сучьев, всякий хлам
И стаю грязных льдин.

Смахнул с пути последний снег
И прошлогодний стог. . .
Все, что мешает жить весне,
Уносит прочь поток!

Моя священная земля
Вновь станет молодой.
И солнце смотрит на поля,
Кивая головой.

* * *

В потоке лет уходят мои годы.
Живущему положен свой предел.
И в стаю собираются невзгоды, —
Жаль, мало в жизни сделать я сумел!

Мне прежний груз уже на плечи давит,
Забот осенних окружает рой.
И вижу, как в тумане, за годами
Мне юность машет легкою рукой.

Там май звенит листвою, там льется песня.
И — в горле ком. . . Прощай, весна, прощай!
На поле, что возделывал я честно,
Взойдет ли колос, даст ли урожай?

ГДЕ Б НИ БЫЛ Я

Иду тропой к деревне. . .
А она
Как будто с каждым шагом отступает,
Вся в зелень летнюю садов погружена.
Над ними небо синее сияет.
Деревня русская!
Поклон тебе несу
От хлопковых полей и гор могучих.
Люблю твою неброскую красу:
Дворы, колодцы. . .
Но, быть может, лучше
Движенье чувств, чем выкладки ума.
Простор и воля.
Ветерок над нивой.
Что там, вдали, белеется? Хирман? ¹
Хирман в России! . .
И — спешу счастливый,
Как мальчик в поле на отцовский крик,
Открытием взволнованный: неужто?
Неиссякаем детства в нас родник.
Вот белый куб, построенный искусно.
Их ставят хлопкоробы на полях. . .
Увы! То просто птицефермы зданье.
Невольно улыбнулся,
Сбавил шаг.

¹ Хирман — скирда из хлопка.

И так скажу, себе же в оправданье:
Где б ни был я,
Повсюду, неустанно, —
В себе я слышу зов Узбекистана.

ВОДОПАД

Если с гор, играя, падает вода,
Словно крылья лебедя, — это водопад!
На камнях сверкают брызги, как слюда,
Ущелье звоном полнит радужный каскад.

Если из долины поит горный сад,
Устремляясь в гору вверх, дольняя река,
Я скажу: а это новый водопад,
В путь его направила чуткая рука.

Древний ум природы образец для нас.
Но человеку землю надо обновлять:
На исходе века приближаем час,
Когда для пользы дела пустим реки вснять.

БЕРЕЗА

Я саженец вывез из дальней России
И в землю узбекскую пересадил.
Боялся, не хватит у деревца сил:
И почва иная, и воды иные.
И, тут садовод садовода поймет, —
Немало затрачено было хлопот.
Когда же весною листва показалась,
Я думал, что сердце взлетит в небосвод:
Прижилась береза, — береза осталась!
Бела, словно снег на полях Подмосковья,
Она осветила ташкентский мой сад.
И тихо о ней меж собой шелестят
Орехи и яблони с нежной любовью.
И солнце смягчило потоки лучей. . .
Соседи заходят и хвалят: «Красива. . .»
Расти, зеленой, белоствольное диво! —
Любимая дочь в круге равных детей.

ТОШТЕПЕ¹

Курган из камней,
Кто прочтет твою повесть
О тех временах, что от нас далеки? . .

Вдруг слышу глухой и надтреснутый голос:
— Когда-то мы были камнями реки.

И светлые воды нам пели, играя,
И солнечный луч преломлялся водой,
И медленных рыб горделивая стая,
Поднявшись со дна, проплывала порой. . .

Но солнце однажды не вышло из тучи.
И весть пролетела над степью: война!
Промчался по берегу конный лазутчик,
Пригнувшись над шеей крутой скакуна.

И — как саранча! —
Войско хлынуло разом.
Весь берег изрыли копыта коней.
Столпилась орда
В ожиданье приказа.
Мгновенье нависло горы тяжелей.

— Пусть каждый возьмет из реки один
камень, —
Сказал полководец, —

¹ Тоштепе — курган из камней.

В честь нашу сложить
Курган из камней.
Над пустыми степями
Он будет нам вехой в походах служить!

Все бросились в реку и дно перерыли.
И тысячи нас из воды извлекли. . .
Мы стали курганом.
И в облаке пыли
Захватчиков войско исчезло вдали.

Там бой закипел.
И весь день до полночи
Степь наполнилась гулом и воздух дрожал.
И ветер принес пепла серые клочья, —
Покрыл горизонт необъятный пожар.

И птицы метались, покоя не зная.
От них мы слышали, что гордый народ
Стеною поднялся:
От края до края.
И в страшном сраженьи
Захватчиков бьет!

А утром десяток-другой к переправе
Вернулся. И спешили врозь на скаку.
Сказал полководец, забывши о славе:
— Пусть каждый свой камень вновь бросит
в реку!

Был грозен приказ, но смешно исполненье:
Остался таким же высоким курган.
Веками стоял он —
Как предупрежденье
Любому, кто жаждой войны обуян.

...Теперь нас бульдозер теснит.
Самосвалы
Отвозят на стройку дороги большой.
Курган умирает, он дышит устало.
А камни — гордятся другою судьбой.

Мы станем дорогой!
И мирные люди
Пойдут и поедут по нашим плечам.
Но войско чужое топтать нас не будет...
Мы станем дорогой к иным временам!

ДУМЫ У НАДГРОБИЯ АЛЕКСАНДРА НЕВСКОГО

У колыбели великой,
Где спит Невский...

Хамид Алимджан

Веками не стерта народная память:
В скрижали священные занесена
Ледовая битва с железными псами, —
Пример и урок для потомков она.

Страницы истории тем и близки мне,
Что в них я читаю начало побед.
«Пришедший с мечом от меча и погибнет», —
В наследство от князя дошел к нам завет.

Далекого пращура слово весома.
Мы Родину нашу умеем беречь:
Под солнечной крышей великого дома —
Для друга — хлеб-соль, а для недруга — меч.

И клятву даем, и целуем знамена...
И тучи обходят страну стороной.
А грянет гроза, —
Долг бойца непреклонно
На поле сраженья исполнит любой.

Спи, княже!
Твой меч и в веках не ржавеет.
И слово твое не погасло в сердцах.
Могуча Россия твоя!
И над нею —
Высокое небо струится в лучах.

СВЕТ ХЛОПКА

* * *

Коробочка хлопка... Смотрю я:
Как бел пятипалый кристалл.
Что песню мою молодую
И жизнь мою светом питал.

О хлопок! Народа и края —
Ты символ во веки веков.
Столетия поля озаряя,
Ты наша основа основ.

И дед мой, и прадед трудиться
Умели, — я помню о них!
Есть отсветы хлопка на лицах
Монх земляков дорогих.

В движении дел и событий,
В размеренной поступи дней —
Свечением хлопковых нитей
Я связан с отчизной моей.

Я плавал в морях. По дорогам
Каких только стран ни ступал,
И всюду себя хлопкоробом,
Посланником света, — считал.

Какая сегодня погода?
Проснулся небесный покров?
Заботой живу хлопковод
Над полем грядущих стихов.

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Здесь полегли герои, отражая натиск врага.
Словно страницы истории — волжские берега.

Дрожь меня охватила. ... Здесь даже деревья стоят,
Словно готовые к бою, роты железных солдат.

В шелесте листьев слышу: читают по ротам приказ.
Они форсируют Волгу в точно назначенный час.

А я хочу их окликнуть: «Эй, кто вы? Откуда вы?»
Пока они в бой не рванулись по головам травы,

Наперевес с оружием — к понтонам! — за строем
строй,
Дубы и зеленые ели — могучей солдатской волной.

Они меня не услышат, они свой исполнят долг.
И дальше пойдет на Запад победоносный полк.

.. Я вижу бугор песчаный и две могилы на нем.
Два сердца в них породнились, сгорели одним огнем.

О нет, не огнем любовным — проклятым огнем войны!
Лежат под волжской землей двух разных краев сыны.

О сердце мое, наполняйся горечью братских чувств!
О тех, кто навек породнились, миру сказать хочу.

На пожелтевшем фото герои глядят в объектив:
Плечо к плечу, улыбаясь, ладони вместе сложив.

Но что у них на ладонях? Вглядываюсь, наклонясь...
Коробочка белого хлопка, как символ дружбы, как
связь.

И сердце забилось чаще: я видел этих ребят!
— Братья, — спросил я, — кто вы? — Они, улыбаясь,
молчат.

Но мысль упорная билась, листая страницы лет:
«Кто эти, узбек и русский?» Память дала ответ.

Точно такое же фото я в Музее Славы видал.
Но сведенья крайне скудны. Войны жесточайший шквал

Смешал и рассеял судьбы тех, кто остался в живых,
А сколько бумаг пропало, теперь не заглянешь в них.

Течет раздольная Волга, мать многих российских рек.
Сижу и припоминаю, памятью жив человек.

Вдруг я услышал гóлос, глаза зашипало от слез,
Высокий печальный голос будто с трудом произнес:

Первый голос

— Ты хочешь знать наши судьбы? Я русский, зовут
Андрей.

Родом я из Иванова, и города нет милей.

Давным-давно я там не был. . . А впрочем, что же. . .
Война.

И то, что я здесь похоронен, это ее вина.

Нашла меня пуля вражья, умело стрелял фашист.
Здесь и упал я наземь, словно мертвый осенний лист.

И кровь мою, капля за каплей, волжский впитал песок:
Кровью и потом солдатским в битве весь берег намок.

А родом я из Иванова, города нет милей,
Это город текстильщиков, крепких рабочих семей.

Мы держим коробочку хлопка: я и мой друг Мурад.
На фабрике вместе работали в лучшей из всех бригад.

Спроси обо всем Мурада. . . — Голос внезапно погас.
Но голос другой, по-узбекски, продолжил его рассказ.

Второй голос

— Земляк! Как в Ташкент вернешься, землю целуй за
меня.

В Иванове я работал, но в Ташкенте моя родня.

В нашем роду все ткали, а лучше других моя мать.
К нам часто в дом приходили — опыт ее перенять.

Мальчиком, наблюдая движение белой руки,
Я представлял, что лебедь плывет по течению реки.

А вырос, признался: «Мама, изобрету я станок,
Будет тебе с ним легче». Она улыбнулась: «Сынок,

Надо тебе учиться. В Иванове есть институт,
От добрых людей я слыхала. Съезди — тебя возьмут».

Учился я на вечернем, а днем стоял за станком.
В цехе сдружился с Андреем, на лекции шли вдвоем.

Война всему помешала. . . В битве на волжской земле
Мы рядом упали с Андреем и очутились во мгле.

И голоса наши носит ветер в пространстве пустом.
Но ты, земляк, не печалься, ты послушай о другом.

Есть у меня сыннишка, назвали его Бахтияр,
На фронт пришло его фото, последний родины дар.

А жили мы в Отчопаре, — может быть, ты бывал? —
Так на окраине города старый зовут квартал.

Ты моего Бахтияра, прошу я, земляк, найди.
Сын мой меня не дождался. . . Сына сюда приведи. . .

Голос Андрея, как эхо, вторил ему меж ветвей:
— Найди и дочь мою Галю. . . Скажи о могиле ей.

ГЛАВА ВТОРАЯ

Лежал я на верхней полке. . . Что ждет меня впереди?
Стучали колеса вагона: «Найди. . . найди. . . найди».

Я думал о жизни и смерти, детство припоминал,
А за окном зеленый приволжский пейзаж проплывал.

В душе, как в кино, менялись кадры из давних картин:
Ташкент в военное время. . . Очереди в магазин.

Глаза на голодных лицах. Тяжелый, как камень, хлеб.
Неужто все повторится? Войны безжалостный цеп

По ниве жизни ударит, в пепел все обратит?
. . . На полустанок яблоки вынес старик инвалид.

В Иванове — «мало данных» — ответил адресный стол.
Если бы знать фамилию. . . По городу я пошел.

Казалось, я слышу музыку: мягко станки стучат.
В цехах готовые ткани ложатся за рядом ряд.

Наматывают бобины нить хлопка белей белил.
В поисках Гали, Галины фабрику я посетил.

Наивной была попытка: десятки Галин в цехах,
Все в аккуратных платочках, с немим вопросом
в глазах. . .

И был закат над Ивановом, словно уток¹ тканья.
— Но мы увидимся, Галя! . . — слово даю себе я.

¹ Ут ó к — поперечные нитки при производстве ткани.

В Ташкенте на аэродроме землю поцеловал.
Солнечный диск над городом едва поднимался, ал.

И ветерок с Анхора¹ дыхание влаги принес,
Дыхание свежее утра с запахом свежих роз.

Здравствуй, мой город любимый, столица и дом мой
родной!
Поднялся к синему небу белостенных кварталов строй.

На месте дворов Отчопара башни новых домов.
Покончено с бытом старым, а новому — новый кров. . .

Немало я дней потратил, немало потратил слов:
Расспрашивал о Бахтияре юных и стариков.

Никто ничего не слышал, никто ничего не знал.
И холодок отчаянья невольно в душу запал.

Что делать? А ночью краткой пригрезился мне Мурад.
Он — в довоенной рубашке и по-граждански чубат —

Куда-то идет привычно и машет: «Айда со мной!»
И тут же, во сне, я понял, что мы спешим к проходной.

Этот намек я обдумал. Спасибо тебе, Мурад!
И поутру поехал к текстильщикам на комбинат.

.. Струились пестрые нити, рекой текло полотно.
Такого количества тканей я не видел давно.

Цеха — как цветник огромный, как пчелы — станки
жужжат.
Работают сотни рабочих: девушек и ребят.

¹ Ан х о р — название реки.

— Пошлите за дядей Гафуром, он у нас старожил.
Дядя Гафур вам поможет, — начальник смены решил.

Я удивился, как просто сказал он эти слова,
Была в них твердая вера, на милосердые права.

Сердце в узде терпения удерживал я с трудом:
Неужто ничем не окончится встреча со стариком?

Куда мне тогда обращаться? .. Был ко всему готов.
Казалось, стрелки застыли на циферблате часов.

.. Дядя Гафур заметно согнулся под бременем лет.
На дне его глаз таился безмерных страданий след.

— Бог взял у меня старуху, в прошлом году умерла.
Наш сын не вернулся с фронта. .. Печальны мои дела.

Она всегда говорила: «Приедет, если он жив».
Сноха от болезни скончалась, внука в войну родив.

Внука зовут Бахтияром, а сына звали Мурад.
— Дядя Гафур, — я промолвил. .. Но слезы в горле
стоят. ..

Читатель! Даже сегодня описывать не берусь
То чувство, когда сползает с души твоей тяжкий груз.

Сбылось! И душа воспарила. Смотрим глаза в глаза.
Я обнял дядю Гафура. .. И все ему рассказал.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

Проходит над миром время, вершатся судьбы людей.
И люди себя повторяют в судьбах своих детей.

Когда Бахтияр вырос, ни отца не помня, ни мать,
Решил он, что долг сына — могилу отца отыскать.

С бабушкою и дедом жил еще в Отчопаре он,
Когда письмо из России утром принес почтальон.

Писала девушка Галя, в бумагах отца она
Адрес нашла далекий: «. . . в довоенные времена

Был друг у отца из Ташкента, звали его Мурад. . . »
Галя писала Мураду, думая: жив адресат.

«Я всех об отце пропавшем, как дочь, должна
Вашего жду ответа». Читатель! Здесь новая нить
расспросить.

Тянется в повествовань. Пусть говорит Бахтияр.
— Увидел я штемпель «Иваново» — бросило меня
в жар!

Письма — долгое дело, ведь куда письмо дойдет. . .
Действовать надо не медля! Выехал в аэропорт.

Моторы «Ту-104» оторвали меня от земли:
«На север, на север, на север», — мысли мои текли.

В глазницах иллюминаторов, взор свой куда ни кинь,
То облака белели, то сквозила чистая синь.

Галя меня встречала, я послал телеграмму ей.
Многое было сказано в течение быстрых дней.

Общая боль и надежда не случайно сблизила нас. . . —
Тут Бахтияр умолкает, а я — закончу рассказ.

Они поедут к могилам, они навещат отцов.
Их руки соединятся, все станет ясно без слов.

И голоса в пространстве не будут отныне кружить.
Бойцы навек успокоятся, благословляя жизнь:

Счастье детей своих, солнце и плеск зеленой волны...
Лежат под волжской землею двух разных краев сыны.

Но Ташкентская улица в Иванове пролегла
В сторону Узбекистана, прямая, словно стрела.

Скоро в Ташкенте Галю я выйду с цветами встречать,
Скоро на свадьбе «горько» я буду с гостями кричать,

Вместе с дядей Гафуром на праздник веселый смотреть,
Радуюсь с ним, что ветвь жизни не устает зеленеть.

* * *

Коробочка хлопка... С тобою
Добру я содействовать мог,
Был мне путеводной звездой
Светящийся белый комок.

Когда с пожелтевшего фото
Твой отблеск упал на глаза,
Я на сердце принял заботу
И близкие судьбы связал.

СЫН ЗЕМЛИ

Ты, Солнце, все же — сын Земли,
И свет твой — только воплощенье
Ее мечты, ее стремленья,
О, продолжайся, не замри!

Лучей согласных постоянство,
Гори, веди, чудотворя,
И выводи дожди в пространство
И снег в пределы января.

Пылая над земным лицом,
Ты стал однажды и воочью
Любви и сыном, и гонцом,
И светоносным средоточьем.

ЗВЕЗДА ДЕТСТВА

Еще из детства, из огней,
Из неподдельности вселенной
Они встают звездой твоей,
Мучительной и неизменной, —

Вопросы, страхи: кто же ты?
В чем смысл рожденья, умиранья?
В чем сущность первой красоты
И где кончается страданье?

Менялся я, и жизнь порой
Вместо строки на лист входила
Лицом единственным, судьбой,
Пророчила, животворила.

Но где берет начало боль,
Идущая сквозь сердце снова,
Я не узнал, я был тобой,
Страдающее Жизни слово.

Я думал, выговорив все,
Отдав всю жизнь листу бумаги,
Щемящей ясности ее —
Свои я позабуду страхи.

И я писал. Меж быстрых строк,
Как парус, различал я сушу.

О, если бы я только мог,
Я в строчках бы оставил душу.

И я увидел, что ничем
Не отличаюсь от любого,
Что движет жизнью, миром всем
Нам сострадающее слово.

Поэзия, ты — мука, да,
Звезда страданья, что из детства,
Ее пылает высота,
И никуда теперь не деться.

Поэзия, ты — боль, когда
Страданье других вбираешь,
Рождаешься и умираешь,
И продолжаешься — всегда.

* * *

Он был от века фантазером,
Когда, с пространствами знаком,
Был их любовью, их раздором,
Был их поющим тростником.

Вы говорили: «Искаженье»,
Но, задыхаясь, вновь поэт
Всей чистотой преображенья
Входил в тебя, поющий свет.

Вы говорили: «Искаженье»,
«Спешащих строчек разговор»,
А это было — вдохновенье,
Крыло и дух — прямой простор!

На косяке дверей оставив
Тень рукава и тень крыла,
Он вновь сыграет против правил,
Чтобы бездонность в мир вошла.

Есть в мире высшее движенье,
И, высшей правдой поражен,
Из нищеты и пораженья
Нетленный свет выносит он.

* * *

Как хлопок ослепительным крылом
Однажды разрывает короб тесный,
Так солнце горизонт пробьет лучом
И бросит свет из этой синей бездны

И станет полем, хлопком и ручьем,
И станет этим профилем узбекским,
Тебя пронзит насквозь лучей излом,
Как будто из-за белой занавески,

Где хлопок ослепительным крылом
Однажды разрывает короб тесный.

ФОНАРЬ ЧАБАНА

Как будто потемневшими крылами,
Накрыла ночь все пастбище покровом,
Но вдалеке и сквозь ресницы — пламя
Дрожит в ночи всем отблеском багровым.

Старинное лучей противоборство,
Свет, наведенный на жерло ночное,
Как будто черный занавес собою
Он рвет и умирает без притворства.

И, как в четвертом акте, жизнь с коленей
Встает и вдруг выходит из ладоней
Под скрипы жуткие — так были эти тени.
Так был костер. Так были эти кони.

Как искра жизни — этот свет вне правил,
Вне правил кони, ночь и звук удара
Копыта в землю. Свет звезду оставил,
Упав в костер, ему прибавив жара.

Фонарь пастуший, пляшущий букетом
Цветов, пылающих порой ночью,
Будь жизнью, будь звездой, будь ночи
цветом,
Ее прозреньем, смыслом и душою.

САРВАРУ

Пусть длится сказка.

Ты — как ягненок на земле, Сарвар,
А в небе ты — стремительная птица,
Но главного тебе я не сказал:
Природа — не беспечная страница.

Ты говоришь, что это волшебство —
Увидеть сказку в ней — тебе знакомо,
Что сказка — сущность мира твоего.
Но дом твой — явь. Не уходи от дома.

Не сказкой только люди здесь живут,
Ты говоришь: «Я стану птицей, рыбой,
И, может быть, за несколько минут
Я стану деревом, закатом, глыбой. . .»

О мальчик мой, конечно же ты прав,
Но не забудь, что явь всего чудесней,
И небо — явь, и эта птица — явь,
Еще не ставшая строкой нль песней.

И жизнь не входит в сказку, чтобы в ней
Растаять до конца, светло и слепо,
Но сказка дарит звездный блеск огней,
Преображая до загадки небо.

И надо видеть, как река — журчит,
И как в горах — горят бездонно маки,
И надо слышать, как звезда звучит
И доверяет голос свой бумаге.

Лишь крылья те, что мы зовем мечтой,
Они одни — звучанье, цвет и пенье
Звезды, ручья — преобразят собой,
Даруя им и чудо, и рожденье.

Но, чтоб взлететь, ты помни о земле,
Да, о земле, полях, воде и хлебе,
Чтоб тем вернее кануть в синеве
И всем полетом раствориться в небе.

ГАЛЬКА

Играя камушком морским,
Ты властен размышлять покамест,
Какой волною он храним,
Как он обрел свою покатошь,

Каким движением рожден
Согласный шепот влажной гальки,
Как в круглом камне отражен
Удар волны и голос чайки,

Как, сталкиваясь меж собой,
Теряют камни угловатость —
Не так ли ты, войдя в громадность
Толпы, меняешь облик свой,

Не так ли городской прибой
Твое врожденное упорство
Шлифует встречею любой,
Сводя на нет противоборство.

О, как в круженье площадей,
В обрывках фраз, огнях и толпах
Теряем мы единый облик,
Что предназначен жизнью всей.

Смеясь, и плача, и любя,
О жизнь, в твоих огнях, печалях
Храни наш лик первоначальный,
Не дай нам потерять себя.

ВОЗЛЮБЛЕННАЯ

Подобна солнцу ты, любовь моя,
Мне не уйти с кругов: вот так Земля

Летит вокруг и замыкает день,
Кружа снежинки, удлиняя тень. . .

Я след твой, тень твоя, твой вечный штрих,
Я лишь продолжил блеск ресниц твоих,

Так мотылек летит всегда на свет —
Из тьмы ему другой дороги нет.

И я иду на свет твой из ночи.
Я жив, пока — летят мне в грудь лучи.

ЛИЧНАЯ ТЕТРАДЬ

1. В день твоего рождения

Сегодня, в день рожденья твой, не я
Приду к тебе, но, подводя итог
Разлуки, и пылая и скорбя, —
Придут цветы. О, ты сама цветок.

Разлука вряд ли нас животворит
И обновляет встречу новизной,
Отсюда слышу я лишь, как горит
Бутон у губ и шепчется с тобой.

Когда б ты знала, что настолько я
Один, наедине с больной душой,
Что она смотрит скорбно на меня
Со стороны — как на пейзаж пустой

И видит камни. . . Только верь мне, верь —
Я не пустыня и не камень, но
Мне и любить тебя и жить теперь
Наедине с разлукой суждено.

И страшный, ломкий поворот крыла
Я чувствую в груди, и высота
Несет меня к тебе. Звезда взошла,
Звезда Сайяр¹, падучая звезда.

¹ Сайяр — блуждающая звезда.

3. Единственная моя

Шахине

Олененок, девочка, цветок,
Воздуха рассветного глоток,
Ты тюльпан над крышей голубой,
Деревце под утренней звездой,

Средь сомнений, неудач и бед
Будь светла и сохрани свой свет,
Через душу твою тень, черна,
Да не ляжет, да пройдет она,

Как и все невзгоды, стороной,
Да пройдешь ты золотой тропой,
Да пройдешь свой путь ты без потерь,
Чтоб удача постучалась в дверь,

Чтобы вера и звезда — там, впереди,
Освещали ясно шаг в пути.
Да согреет тебя Правда, как костер,
Да минувешь ты бушующий простор

Всех ветров и далей. Видишь ты
Той прекрасной женщины черты
И стремительный, пернатый шаг? —
Это Жизнь твоя. И как маяк

Да ведет она тебя в ночи,
Да ложатся от нее лучи,
Да осветят это золото разлук,
Изумруд молчанья. Слышишь звук

Пенья? Это жизнь тебя зовет
И в иной простор тебя ведет

Через детство, схожее с моим.
Твой да будет шаг неутомим,

Твой да будет путь непогрешим,
Над дорогой луч — непостижим,
Радость да взмахнет тебе крылом,
И простор одарит, не дыша,

С неба отлетающим пером —
Олененок, девочка, душа. . .

МОЯ РАДОСТЬ

Фарузу

О шаловливое дитя,
Вращающее Землю бегом,
Ты можешь целый день, шутя,
Кружиться, не устав при этом.

В чем детства твоего секрет?
Ты весь — как молния ручная,
Как жеребенок или ветер,
Бежишь, усталости не зная.

Расти, дитя мое, кружись,
Шаги свои — в полет итожа,
Но помни — нас меняет жизнь,
И молодость проходит тоже.

Как сделать, чтобы жизнь была
Наполненным крылом пространством? —
К тебе лишь тайны ремесла
Приблизят это постоянство.

Привыкни так сидеть в седле,
Чтоб с ходу побеждать преграды,
Но только забывать не надо:
Талант — лишь косточка в земле.

И без труда — не быть цветенью.
И передрягам ты в ответ
Пиши свое стихотворенье,
Строкою каждой чуя свет,

И пусть твой путь украсят строки,
А не хвала и мишура,
С разбегу подводя итоги
Всему, что сделано вчера.

Пусть голос твой постигнет пенье,
Вкус творчества и неба синь,
Ты сам — крыло и продолженье,
Ты сам — поющей жизни сын.

ОСАДА

Три месяца город в осаде, давно
Последнее съедено было зерно,
Три месяца жители насмерть стоят,
Вповалку на улицах мертвые спят.

И сабли еще не сломались пока,
И воля нетленна, и сжата рука,
Но гаснет надежда, и черная твердь
Пророчит упорно голодную смерть.

И крикнул глашатай, и город затих:
«Пусть женщины выйдут, не тронем мы их!
И все, что поднимут, поклажу и груз,
Мы тоже не тронем, я в этом клянусь!»

И женщины старцам отдали детей
(И черным стал свет, только горе — черней),
Погибнут мужчины, и кто города
Тогда отвоюет, что будет тогда?

И город собрал свой последний совет,
И вместе решили они. . . Был рассвет,
И женщины вышли, забывши про страх,
И груз свой подняли на сильных руках —

И к жизни и к солнцу отвагою всей
Они на руках поднимали мужей. . .

ЛАЙЛАТУРКАДР¹

«Не спи, соседка, жди — опять
Сегодня в полночь, словно пламя,
Лайлатуркадр (нельзя нам спать)
Волшебный пролетит над нами».

Но отчего же та встает
И слезы покатились градом? . .
Она в свой бедный дом войдет
И сядет с колыбелью рядом:

«О мальчик мой, лишь сорок дней
Назад ты белый свет увидел. . .
Последний мой. . . Ну глянь ясней,
Скажи мне, кто тебя обидел.

Что делать мне, уже закат,
Ты хочешь есть, как быть мне дальше? →
Ведь прилетит Лайлатуркадр,
И станет золотом мой мальчик».

От горя нет лица на ней,
И есть ли что на целом свете
Невыразимей и больней,
Чем горестные стоны эти?

¹ Л а й л а т у р к а д р — мифическое существо восточных легенд. Существует поверье, что один раз в год Лайлатуркадр пролетает над землей, и все, что люди держат в руках, превращается в золото.

И просит снова молока
Твое дитя, твой несмышлениш,
Губами шевеля слегка,
Как будто бы зовет на помощь.

И кто такой Лайлатуркадр,
Не знает он и плачет глуше,
А матери как будто ад
Вошел в растерзанную душу.

Она беспомощно молчит
И в руки взять его не смеет,
Уже не стонет, не кричит
И лишь от боли цепенеет.

И сказку и судьбу она
Изведала и испытала,
Как чашу выпила до дна,
Как небо на плечи упало.

Я знаю, что случилось тут,
Я вижу дар и драгоценность —
Любви сиянье и нетленность.
Слезы бессмертной изумруд.

ТВОЙ ДАР

И дерево поклонится порой
Земле, ее коснувшись плодом снова,
И человек склонится над землей,
Шепча ей благодарственное слово.

И хлопка трепетная белизна,
И золото, и колос, и ручей —
Ее дары; мы снег, полет листа,
Любой сезон — благословим на ней.

Благословим ее горячий жар,
И хлопка цвет, и птицу в небесах,
И труд на поле — этот вечный дар,
Преобразивший степи на глазах.

Он станет радостью, твоей судьбой,
Преображением и претвореньем,
Ты вновь услышишь голос в нем земной,
Который продолжает птица пеньем.

Да будет чист и честен этот труд,
Да будут радостны его события:
Благословенны те, кто воспоют
Его свершения, его открытья.

Учитель мой! Труду всегда дано
Преобразить свое зерно в побег,
Но сколь труднее входит в жизнь оно,
Когда его истоки — в человеке.

Абдулвали, о брат, благословен
Твой дар — зерно стиха, и всем рождением
Росток из сердца вырвется наверх,
Взметнувшись в воздух — музыкой и пеньем.

* * *

Когда уехала она,
Я в степь поехал вслед за ней,
Разлуку вычерпав до дна,
Ее нашел я средь степей.

«Кто вел тебя сюда, в пустыню?» —
Спросила вдруг любовь моя,
И сердце мне слова простые
Сказало тихо: «Это я».

* * *

И ослепляла желтизной пустыня,
И саксаул был тонок и жесток,
И били белые лучи сквозные
В сухой и ослепительный песок.

И мне казалось, я заметил вдруг
Печальных странников, измученных безмерно,
Бредущих сквозь пустыню всех разлук,
Как шел Меджнун к своей Звезде бессмертной.

МАТЬ

Вот возвращаются солдаты
Домой, смеются и поют,
И офицеры и сержанты
Приказов им не отдают.

И в суете и суматохе
Рядом с вагоном, у путей
Они в блокнот напишут строки
С далеким адресом друзей.

... А рядом женщина печально
У рельс уже пустых стоит,
И никому не отвечает,
И ни о чем не говорит.

Глаза наполнятся слезами,
Я подойду поближе к ней —
Она прозрачными глазами
Посмотрит на разбег путей

И скажет хрупко, словно эхо:
«В таком же поезде и мой
Сережа в армию уехал. . .» —
И вспыхнет взгляд ее слезой.

ОТРАЖЕНИЕ

Дрожало солнце на воде; оно
Напоминало яркое зерно,
И подбежал петух и клюнул раз,
Но свет зерна волшебный не погас,

И каждый день петух его клюет,
И каждый день зерна не достает,
И каждый день на небе круг живой
Горит над петушиной головой.

* * *

Тот тополь рос в таинственной ночи,
Над ним луна горела, чуть дрожа,
Казался он подобием свечи —
И стала светом — тополя душа.

И всходит солнце. Тополь на горе,
Как свечка, гаснет. Птица, не дыша,
Забыть пытается о лунном серебре,
Где ночевала тополя душа.

ПЕРВЫЙ ШАГ

Дитя, застывшее над миром и Землей,
Твой первый шаг еще не сделан. . . в мире
Лишь материнский взгляд блестит слезой,
А впереди — паденья, взлеты, мили.

Дитя, твой первый шаг уходит в свет,
Ты продолжаешь этот мир собою.
Под взглядом матери, сняющим любовью,
Огромный мир тихонько ступит вслед.

ОПОРА

Год восемьсот двенадцатый. . . Война.
И красит кровь источник у осоки,
И лопаются зеркала осколки,
И светит вертикальная луна.

Белесый император на коне.
И взрыта почва пулями и градом,
Как полубог по северной стране
Сквозь кровь и пламя он пройдет
парадом.

Сквозь гарь и копоть выжженной земли
Он шел к Москве, и кто ему помеха?
Он чувствует, как купола вдали
Уже дрожат от пушечного эха.

Вперед! За шагом шаг, вперед! Вперед!
Война через Россию вновь идет!

. . . Дешеш, адъютанты. . . У ворот
Вновь бстолковщина разъездов, и Кутузов
Мальчишку снова «батюшкой» зовет,
И воском свеч закапаны рейтузы.

А после церкви, осенив крестом
Лоб и мундир, он скажет: «Пусть приходят,
Земля российская, сподручная пехоте,
Для них могилкой сбудется потом».

И, выходя на паперть, взглянет он
На свет золотокупольный, который
Снял вдали, и скажет, обожжен:
«Москва сама пребудет нам опорой».

ЭТА ДЕВУШКА

Дом казался игрушкой, повисшей на елке,
Что запуталась дымом, как лентой в ветвях,
На него осыпались лучи и иголки,
Я вошел и слегка задержался в дверях.

Была девушка в комнате светом полна,
Если свет от луны может внутренним светом
На мгновение стать, если может луна
Сохранить и глаза и улыбку при этом.

Она быстро ушла, но недолго я ждал,
Она вышла в нарядном и праздничном платье,
Стало вдвое светлей. И как будто кристалл
Вдруг зажегся и вспыхнул в сияющем взгляде.

Много дней пробежало. . . Мне странно. . .

НО ВНОВЬ

Эта девушка, ждущая в гости другого
И меня осветившая, словно любовь,
Мне мерцает движеньем луча золотого.

ДОЖДЬ

Дождь. . .

Он шел с утра, он никак не кончался,

Он шумел желобами,

Он бормотал и светился в ветвях

старых

деревьев,

Он шел. . .

Капли,

Медленно падающие с края кровель капли,

Капли в подъезде,

Ибо там тоже дождь,

Ибо он везде

в это утро —

Капли, падающие с цинковых крыш,

Капли, падающие (о да, этот дождь повсюду),

Падающие прямо в сердце.

Дождь, идущий сквозь всхлипы и стоны,

Мешающийся с шагами,

Примешивающийся к надежде своим непонятным

плачем,

Шел дождь. . .

Но не шла та единственная, одна. . .

Ты стоял под дождем, одиноко стоял под дождем.

А он все шел — этот медленный дождь,

Пересекая твою

Озябшую душу.

* * *

Как светлая птица ты, юность,
Летящая в звезды и ночь,
И взмахов пернатая гулкость
Упорно относит нас прочь.

Мы входим в просторы иные,
Но чудо лица твоего
Наш путь освещает поныне
На всем протяжении его.

О годы, летящие годы,
За вашим высоким крылом
Я снова тянусь в непогоду,
На миг позабыв обо всем.

Постойте, замрите бессонно,
Не дайте мне сбиться с пути.
Кончаются сроки. . . И снова
Дорога встает впереди.

* * *

Этот свет над дорогою пыльной,
Что зажжен, без сомненья, судьбой,
Словно голос, знакомый и сильный,
Через годы ведет за собой.

Сквозь паденья, надежды и взлеты
Мы проходим дорогой своей
И минуем судьбы повороты
В ослепительном шуме дождей.

Не судьба нас в пути выбирала,
Это мы выбирали судьбу,
И дорога вилась и витала
От столба путевого к столбу.

И, глаза запрокинувши к свету,
На пути, где туманны огни,
Я шепчу: «Только женщину эту,
Свет дорожный, ты мне сохрани».

* * *

Снова солнце, счастье и работа —
Мир, как прежде, радостен и нов.
И срезают крылья самолета
Луч, протянутый из облаков.
Эй, земляк, а можешь ли повыше —
До еще неведомых высот?
Видишь ли — по улице притихшей
Улыбаясь, девушка идет;
И старик глаза свои прищурил,
Ослепленный радугой твоей;
Полон самой трепетной лазури
Путь его отчаянных детей.
Это выше самой дерзкой птицы,
Это вызов солнцу самому.
Это от границы до границы
Пенный след впечатан в синеву.
Это для грядущих поколений
Указующий в просторы жест —
Это руку поднял до небес
Никогда не умиравший Ленин.
Это мы за звездами летим,
Раздвигая небо голубое.
Мы земного ясного покоя
Никому нарушить не дадим!

ЧИНАРЫ

Нет тревожней чинар вдоль перронов.
Но вокзалу теперь не до них —
Он берет чемоданы вагонов,
Как носильщик, у дальней сквозных.
О, чинары вокзала! Их платья
На ветру. И, до стекол достав,
Их ладони зеленые глядят
Останавливающийся состав.
Кто протянет ответную руку
Мне, чинаре, встречающей всех?
Вот опять переходят в разлуку
Этой встречи объятья и смех.
И опять вдоль пустого перрона —
Ветерок вдоль горячих колес.
И дрожание ласковой кроны
Ты в глазах к горизонту унес.
И опять, тосковать начиная,
Замираю над рельсами. . . Пусть.
Я — чинара, простая чинара.
И тебя я, конечно, дождусь.

ЛЮБИ ЦВЕТЫ

Люби цветы, не меньше жизни
Люби цветы.
Цветами прорастут в Отчизне
Твои следы.
Люби цветы, их добрый пламень
Оберегай.
Да переполнится цветами
Наш мирный край.
Нет ничего их бескорыстней —
Ведь каждый год
Они в высокий улей жизни
Вливают мед.

В ЧУЖОЙ СТРАНЕ

В чужой стране
Забавным и чудесным
Был первый день. Но, отходя ко сну,
Во мраке номера, в уюте тесном
Я остро вспомнил сына и жену.
И стал я птицею в нарядной клетке,
И крылья мне подрезали,
И я
Дремал, горя о зеленой ветке
И о прохладном лепете ручья.
Но снилось, как под ярким звездопадом,
На плечи тихо головы склоня,
Жена и сын со мною спали рядом
И Родина была вокруг меня.

* * *

Все понял я, письмо твое читая,
Но одного лишь не могу понять —
Зачем печаль нахлынула такая,
Такая ночь надвинулась опять?

Письмо твое, ничтожное для взгляда,
Так много значило в моей судьбе,
Но пишешь ты, что отвечать не надо, —
Мол, в самый раз подумать о себе.

Письмо мало, как бабочки крыло,
Но, словно горы горя, тяжело.

МИР ФИАЛОК

Танцовщицам ансамбля «Бахор»¹

Волшебный мир фиалок.
Тают звуки.
Цветы — на сцене, и цветы — вокруг.
И девушки протягивают руки,
И нежность, как птенец, летит из рук.
Танбур² и бубен стонут в упоенье,
Друг другу объясняются в любви.
И сердце, затаив на миг биенье,
Летит к цветам, что сделались людьми.
Весна пришла, примчалась, прилетела
И растворилась в звуках и строках.
Река запела, облако запело,
Запели птицы в белых облаках.
Весна пришла туманная, как тайна.
Цветет миндаль.
Кругом белым-бело.
В такие дни покажется случайно,
Что сердце вслед за полем расцвело.
Весна пришла на смену зимним вьюгам.
Роса блестит на листьях тут и там.
И радуются юноши подругам,
И радуется молодость цветам.
Весна пришла — и, вздрогнув от смущенья,
Потупила прекрасные глаза.

¹ Бахор — весна.

² Танбур — музыкальный инструмент.

И, таинства почуяв превращения,
Забилась в листьях ранняя лоза.
И ожил мир, доселе бывший жалок,
Укутанный в снега, как в белый пух.
Весна пришла.
Волшебный мир фиалок.
Цветы — на сцене, и цветы — вокруг.
О юность, осени меня крылами
И поведи, как прежде, за собой
Под облака с весенними орлами,
В сады, во сне шумящие листвою.
Пускай смеются радостные дети.
Пускай взлетает солнышко в зенит
И чудный мир фиалок на рассвете
Перед глазами весело звенит!

КАСКА

Проводились ученья.
Мы рыли окопы.
Сосны молча и грустно смотрели на нас.
И, распавшийся на парашютные стропы,
Появлялся закат в свой положенный час.
В золотящихся капельках пахнувшей смолки,
Уколов при полете пилотку и лоб,
На курсантских погонах дрожали иголки,
Не желая слетать в недорытый окоп.
Вдруг лопата моя натолкнулась на камень.
Глухо хрустнули корни,
Почувяв надлом.
Незнакомая боль, опаленная память
Обожгла мое сердце холодным крылом.
И тогда-то, уняв любопытством опаску,
Я запрыгнул в окоп, придавив валуны,
И увидел в земле одинокую каску,
Позабывтое эхо последней войны.
Я ее осмотрел.
Ни осколком, ни пулей
Не пробита была ее грозная твердь.
Плыли сумерки. Пахло горячим июлем.
Очень верилось в жизнь.
И не верилось в смерть.
Подбежали друзья. Окружили.
И каска
Поплыла по рукам, как корабль вдоль волны.
Осыпалась земля.

Полинялая краска
Обжигала огнем очень страшной войны.
Мы очистили каску: похожа на наши.
Мы затихли, как будто подкралась беда.
Мы о ней вспоминали во сне и на марше.
Мы уже не забудем о ней никогда.
Это Время напомнило нам, желторотым,
О былом, о прошедшем, о том, что болит,
О знаменах, которым клялись перед ротой,
О солдатах, чьей кровью весь путь наш полнит.
Это Время промыло глаза наши болью.
Это Время велело стоять до конца
За Отчизну, за память, за жизнь, за раздолье,
Где растут, и взрослеют, и рвутся сердца.
Жизнь моя!
Положи мне ладони на плечи,
Отпуская в грядущие будни-бон.
Пусть горят надо мной каждый день,
Каждый вечер
Молодые, счастливые звезды твои!
Пусть взлетает огонь из смолистых поленьев!
Пусть ребенок пройдет по земле первый раз!
Только эхо войны не умрет в поколениях.
Пепел наших отцов бьется в сердце у нас!

* * *

Я в горы поднимусь с любимой —
На самый снежный окоем.
Пред красотой необозримой
Мы красоту любви пойдем.

Я в горы поднимусь с любимой,
Где воздух тишиной храним.
Мы с облаком, плывущим льдиной,
Огонь в своих сердцах сравним.

Я в горы поднимусь с любимой,
Где лишь орлиное жилье,
И на тропинке нелюдимой,
Как солнце, обниму ее.

Звенит в моих объятьях солнце,
Сняя для людей и птиц.
И так не страшно уколется
О мягкие лучи ресниц!

МАЯКОВСКИЙ И ХАМЗА

У нашего века — нелегкое бремя.
Величье и мужество веку дано.
Поэтов рождает бунтарское время,
Когда без поэтов не может оно.

Я знаю, что почерк стихов несличаем,
Как с высью Карпат несличаем Памир.
И все-таки, думаю, был не случаен
Приход двух поэтов-глашатаев в мир.

Они отковали заветное Слово
Для тех, кто врывается в будущий день.
И Слово гремело, как молот, сурово,
И Слово звенело, как летний кетмень.

В нем с болью сложились раздумья о жизни.
В нем солнце грядущего сеяло свет.
Оно призывало к защите Отчизны,
Спасало от голода, тифа и бед.

И как бы я ни был отмечен судьбою,
Каким бы уверенным ни был полет, —
Меня Маяковский ведет за собою,
Мне верную руку Хамза подает.

* * *

Мы связаны одной судьбой и веком,
Как говорит народная молва:
Обломишь ветку — больно прочим веткам,
Скосил траву — ан вновь растёт трава.

В одном костре не выйдет по-другому:
Одним — чадить, другим — сгореть дотла...
И солнце утром доброму и злому
На плечи бросит поровну тепла.

Природа любит честные затен.
И не ее вина или беда,
Что бьют баклуши баи-богатеи,
А беднякам известен вкус труда.

Она дала нам силу, сердце, разум,
Отмерила пытливости уму.
Но вместе воспарить иль пасть всем разом
Нельзя, нельзя! Тут все — по-одному!

Вот почему в ее особой смете
Стоят любовь, и честь, и свет, и труд...
Одни живут в народе и по смерти,
Другие, и живя в нем, не живут.

* * *

Мне правилось в юную пору
(Где в куче — и гонор, и лесть)
Горчицы придать разговору,
О вольнице речи завести.

Теперь я отделаюсь шуткой:
— А кто не хромал молодым,
Покамест на месте рассудка
Клубился черемушный дым? ..

Мне тоже далёко-далёко
Хромалось на обе ноги.
Об этом с ухмылкой жестокой
Нет-нет, да напомним враги.

Напомним про левую ногу.
Про правый ныряющий след. . .
А то, что нашел я дорогу,
До этого дела им нет!

.. Я слышу порою с усмешкой
Слова молодых болтунов —
И сердце не хочет поспешно
Судить пустозвонство их слов.

С годами, как старая кожа,
Исчезнет болтливость у них
И выберет речь подороже
Стремглав повзрослевший язык.

Подробно, а не мимоходом,
Он скажет, смилив свою прыть,
О том, что такое свобода
И как ее надо любить.

* * *

Каждый день лежит моя дорога
В поле, где от хлопка все бело.
Тихий ветер стелется полого.
Снежным хлопком зренье замело.

Я махну рукой моей любимой —
Из комбайна машут мне в ответ.
А кругом — простор необозримый,
И ни облачка на небе нет.

Крепко держит руль моя родная,
Глазками сверкнув из-под бровей.
Ну а я-то знаю, я-то знаю:
Это — верный руль судьбы моей!

ДЛЯ ТЕБЯ

Говорят, что настоящую поэзию
Пишут кровью — самой огненной поры.
Ведь поэзия — хождение по лезвию:
Оступился — и летишь в тартарары.

Я любил. Я всю планету брал в свидетели.
Я шептал, как клятву, нмя — по слогам.
Посмотри на звезды полночи: не эти ли
Светлячки я положил к твоим ногам?!

К черту басни про любовное томление
Или поиск, в чем сокрыты суть и соль!
А Любовь живет и дышит тем не менее,
Причиняя — тем не более — нам боль.

Этот мир мы сотворим с тобою заново,
Пустим реки и научим цвести сады.
А еще — пускай на небе будет зарево,
Как предвестье неслучившейся беды.

Пред тобой я опускаю низко голову.
(Все виски белы — как груша по весне.)
Счастье — поровну и беды — тоже поровну,
Даже те, что прилетели к нам во сне.

Я любил. И значит — жизнь меня приветила,
Различила, обняла, не обошла.
Ну а если было мне не слишком весело,
Так печаль не слишком душу обожгла.

Ах, стихи! Вы написались тихой полночью,
Чтоб к рассвету обрести на жизнь права.
Я и жить-то научился с вашей помощью.
А казалось, что слова, слова, слова. . .

Прорастут стихи цветами и травинками,
Превратятся в ливень, гнездышко, кристалл,
И рождением станут строки, и поминками,
Потому что я их кровью написал.

Я любил! Я всю планету брал в свидетели.
Я шептал, как клятву, имя — по слогам.
Посмотри на облака зари: не эти ли
Одуванчики я клал к твоим ногам?!

Кто-то скажет: мол, в романтику полезли мы.
Кто-то хмыкнет, прочитав меня: «Мастак!..»
Говорят, что настоящую поэзию
Пишут кровью. . . Это — правда! Это — так!

СТИХИ О ЛЮБИМОЙ

Нынче хлопок твой раскрылся — вся земля белым-бела.
Ты влюбленными глазами свое поле обвела.
А потом неосторожно посмотрела на меня —
И я понял в то мгновенье, что плохи мои дела.
Ведь не выведен людьми
Озорной закон любви!

Я сказал: «Прости за смелость!» (Я влюблен —
и, значит, смел!)
Но Любовь того карает, кто о ней забыть посмел.
Для того Любовь и Память рука об руку идут,
Чтоб в душе разросся в пламя огонек, что прежде тлел.
Враг Любви — Забытье,
Словно катанью — мытье.

Ты нахмурилась — и туча проползла над головой,
Хлынул ливень неминуемый, снег нагрязнул даровой.
Потускнел мой огонечек, нос повесил от тоски.
Вот во что мне обошелся гнев неумолимый твой!
Я готов платить за гнев,
Душу счастьем отогрев.

Не печаль своей печалью жизнь свою, судьбу свою!
Я в работе — не последний, от других не отстаю.
Надо радоваться солнцу, а в ненастье хмурить взор.
Ну а грусть змеей свернется — смехом прогонять змею.
Смех! Целебнее его
Нет на свете ничего!

Смех — как солнышко на небе, с ним и горе — не беда!
Стоит солнышку проснуться — нет от тучи и следа.
Значит, следует смеяться! Пользы хлопку нет большой
В том, что с неба днем и ночью хлещет ведрами вода.
Ты смеешься мне в ответ —
И ливняк пошел на нет.

* * *

В огне твоей любви
я становлюсь огнем.
Нет тени у меня:
у пламени нет тени!
И стала грудь моя
распахнутым окном,
И сквозь него ушли
остатки сновидений.
И сердце день-деньской,
как солнце, дарит свет,
И вдаль летят лучи,
судьбу опережая.
Нет тени у любви!
У счастья тени нет!
... А ты опять пройдешь
под окнами — чужая.

ТУТОВНИК

Срезали светлые ветки,
Срубили вершину в цвету —
И порослью голою, редкой
Тутовник торчит на ветру.

Он клонится каждому в ноги,
Слабея над щедрой землей,
И кровью бежавшие соки
Становятся горькой смолой.

Но вот забываются муки —
И новые ветви растут,
И тянутся к солнцу, как руки,
Которые радости ждут.

И ввысь он глядит, молодея,
И гонит к побегу побег.
Но сызнава в роли злодея
Приходит к нему человек.

И ветки срезаются снова,
И снова счастливо растут.
Блестящего шелка основа —
Тутовника горестный труд.

Но это прекрасно, что нужно,
Почти погибая, опять
Ветви вытягивать дружно,
Для красоты воскресать.

* * *

Читатели мягким считают меня
И упрекают... Однако
Что делать, когда не хватает огня
Для восклицательных знаков?

Я не хотел, чтоб герой умирал,
Дарил ему легкие муки.
Несчастной любви никому не желал,
Спасая от вечной разлуки.

Без устали всех призывая к добру,
Но злу не давая прохода,
Я верил, что солнце встает поутру
Для доброго только народа...

Герои мои пусть не ведают зол,
Доставшихся автору в жизни,
Дарю им добро, что я в людях нашел,
Готовый к любой укоризне.

МЕДЖНУНЫ

И в той и в этой стороне,
Куда ни глянь — пустыня.
И саксаулы, как в огне,
Стоят посередине.

Песок горячий накален,
И мглистый воздух жжется,
А чиркнешь спичкой — вспыхнет он
И пламенем взовьется.

Но здесь, в игольчатой листве,
Взлохмачены, сутулы,
Своей судьбой с огнем в родстве,
Столпились саксаулы.

Не саксаулы — нет, нет, нет —
Здесь встали, вечно юны,
Под беспощадный зной и свет
Влюбленные Меджнуны.

* * *

Не вверяйся сомнениям века,
Не сдавайся сомненьям своим —
Разъедают они человека,
Превращая заветное в дым.

Словно летнее небо над нами,
Наши добрые души чисты.
Но сомненья плывут облаками
И ненастьем грозят с высоты.

Я гляжу на тебя — и не верю,
Ты глядишь на меня — и молчишь...
Но доверчивой дружбы потерю
Ты себе никогда не простишь.

Избавляюсь от горьких сомнений,
Как бы ни было мне тяжело,
Чтобы дружества звездных мгновений
Ничего омрачить не могло.

* * *

«Я друга не нашел», — стонал Бабур¹,
Воспевший и страдания, и страсти.
А был он шах и наблюдал вприщур
Предательства и лицемерье власти...

И я друзей с рождения ищу,
И сам хочу быть настоящим другом,
А потому друзьям своим не льщу,
И лесь друзей встречаю я с испугом.

В суровые родные времена
Ищу друзей, всю жизнь ищу беспечно,
Эркин, Тулкун, Анвар — их имена,
Но всех не перечислить мне, конечно...

¹ Б а б у р (1483—1530) — узбекский писатель, полководец, государственный деятель.

* * *

Постучали сваты и в мои ворота.
Замирает сердце старого отца,
Словно птицу сердца подстрелили с лёта...
Вот уже хлопочут гости у крыльца.

Что ж, с добром явились гости дорогие.
Дочка наша выросла, роза расцвела.
Мы ее растили, а теперь другие
Просят, чтоб невесткою в светлый дом вошла.

Как родные гнезда покидают птицы —
Так в родимом доме девице не жить.
Уж таков обычай, надобно смириться,
Сватов принимая, веселее быть.

Но твержу я: — Завтра, завтра приходите!
Не могу ж так сразу я вам дочь отдать?
С мыслями собраться дайте, погодите...
Тяжело от сердца дочку отрывать.

* * *

Опять приснилась бабушка, опять,
Войдя в мой сон, и слова не сказала...
Зарделись дали, стало рассветать.
Я улыбнулся — доброе начало!

Когда я вижу бабушку во сне —
Верна примета — впереди удача...
Но память не дает забытья мне,
Ни укоризи, ни горестей не пряча.

Кляню я черствость давнюю мою
И бабушкину ласку вспоминаю,
Простую колыбельную пою,
Затейливую сказку повторяю.

И снова сон мне снится, наяву,
Сон золотого, солнечного детства.
Я бабушку доверчиво зову,
Чтобы в черты усталые взглядеться.

И бабушка является ко мне,
Протягивает ласковые руки,
Она и в той — печальной стороне,
Я чувствую, заботится о внуке.

ПРОСТО ПРОХОЖАЯ

Рядом со мной ты прошла опять,
И опять я окаменел.
Но сумел и догнать, и сказать
Все, что раньше сказать не смел.

«Встретив на улице первый раз,
Просто прохожая — я решил,
А сейчас от тебя мне глаз
Отвести не хватает сил».

Ничего не сказала в ответ
И не обернулась, ну что ж...
Только увидел я, глядя вслед,
Что ты медленнее идешь.

МОСТЫ

Ты далеко, на другой стороне,
И как скала между нами
Белою ночью, застыв в тишине,
Мост поднялся над волнами.

Ждем мы друг друга, встречая рассвет,
Стали в ночи берегами.
Мост разведен. Сотни тягостных лет
Стали ночными часами!..

Затрепетал над Невой ветерок.
Мост опустился. Друг к другу
Горестно бросились мы со всех ног,
Одолевая разлуку...

Друг перед другом недвижно стоим,
И от любви онемели.
Волны, дробясь под гранитом седым,
Песни забытые пели.

В них отражаясь, как в ясных очах,
Всё мы заранее знали —
Будут мосты разводиться в ночах,
Множа разлуки, печали...

В воду глядели с большой высоты
Радостно и без испуга...
Когда на Неве разводили мосты,
За руки взяли друг друга.

ЗЕЛЕНОЕ ДЕРЕВО

Италмазу Нуриеву

Упало дерево в саду.
Сорвался камень с кручи.
И за далекую гряду
Легко уплыли тучи.

Природа грозная молчит,
Глядит печальным взглядом,
И ветер горестно шумит
Над поредевшим садом.

Все ураганы пронеслись,
Промчались суховеи,
Побеги новые взялись
Расти еще скорее.

Вновь ветви гнутся от плодов,
Вновь клонятся устало.
И разве меньше у стволов
Творящей силы стало?

Неужто летом желтизна
Сразит листву жестоко,
И землю высветлит она,
Упав с ветвей до срока?

Червь точит древо изнутри,
И в сговоре с ним время.
Упал могучий кряж — смотри, —
А высился над всеми.

И как бы ни был крепок ты,
А упадешь однажды.
Ну а пока... Светясь, плоды
Висят на ветке каждой.

И словно крыльями листва
Трепещет под ветрами,
Не отрекаясь от родства
С недвижимыми корнями.

Мы все землей сотворены,
Мы ею станем сами
И в эту землю влюблены,
Возделанную нами.

Мы все хотим, чтоб после нас
Зеленая планета
Кругами вечности неслась
В живом сиянье света.

Что значит жизнь? Поди ответь...
Что вечность? Что забвеньё?
Не принимает сердце смерть
И отвергает тленьё.

И пусть, пока не выйдет срок,
Под жгучим небосклоном
За солнцем тянется росток
На дереве зеленом...

Печальной вестью ослеплен,
Не принял я потерю.
Мой друг не умер — это сон,
В который я не верю.

И не поверю. Друг-поэт,
Твои читая строки,

Я вижу глаз высокий свет,
Я слышу голос строгий.

И этот голос в тишине
Звучит, как голос боли.
Пусть горе сжало сердце мне,
Не дам я горю воли.

Но смерть встречает человек,
Как дерево живое,
Вчера тянувшее побег
В пространство голубое...

Ты у судьбы просил, мой друг,
Жизнь — дальнюю дорогу,
Чтоб мир, грохочущий вокруг,
Открылся б понемногу.

«Я в этом мире, как дитя, —
Твердил ты, — мало знаю,
Мгновенье каждое шутя
В нем что-то открываю...»

Твои открытия — со мной!
Взяв книгу твою в руки,
Я вижу страстный мир земной,
Прозрения и муки...

В САДУ

Люблю деревья! Светятся плодами
Черешня, персик, вишня... Каждый год
Они к земле склоняются ветвями,
И то, что их сгибает, — чистый мед!

Звенят на ветках солнечные птицы!
И каждый ствол мне хочется обнять,
И каждой песне птичьей удивиться,
И каждый лист трепещущий понять.

Как трудно им порой тянуться к свету!
И гнутся ветви в золотом саду.
Но как легко вырастают знойным летом
Бесплодные деревья в высоту!

Весною снова саженцы сажаем.
Тугой росток взовьется за ростком.
Согнет живые ветви урожаем,
Сухую ветку — сломит ветерком.

Чтобы душой никто не укололся,
Чтоб от беды грядущий день спасти,
Чтоб по сердцу друзьям мой сад пришелся,
Чтобы живому повольней расти, —

Иду весной по саду, обрезаю
Немые ветки, черные сучки.
Живое не сломаешь, пригибая,
Оно растет всем бурям вопреки.

ХОРОШИЙ ЧЕЛОВЕК

Нодару Думбадзе

Изумрудно горела листва над тобою,
Розоватый миндаль начинал расцветать,
И светились глаза и слова добротою.
Ты два слова с улыбкой любил повторять:
— Хороший человек!

Я объятий твоих никогда не забуду,
Все слова твои в дружеском сердце храня,
И мерцавшей под солнцем листвы изумруды,
И цветы миндаля, и сверканье дня.

А твое красноречие огненным было,
И не мог не влюбляться я вместе с тобой
В это небо, что в книгах твоих мне светило,
В эти горы, манящие нас высотой.

И, увидев зеркальное озеро Рица
Среди сонных вершин и бессмертных небес,
Я поверил душой, что мне сказочно снится
Кули-куббон — небывалое чудо чудес...

Помню я золотые грузинские дали...
Помню, в гости зазвал нас твой друг армянин,
В стоге сена мы весело утро встречали,
И повторяли все-все за тобой как один:
— Хороший человек!

А на тихом огне в прогорающей печи
Выпекался лаваш... Догорала звезда.
И текли неторопко заветные речи,
Как течет через травы живая вода...

Лишь плохой человек всюду видит дурное.
Мы ж добром не сочтем откровенное зло,
Но изведали трудное счастье земное —
Нам с тобой на хороших людей повезло!

Вижу я твою бабушку, щедрой заботой
Одарявшую внука. Как внук Илико¹,
Я любовью согрет и с щемящею нотой
Вечности мудрый закон постигаю легко.

Над тобой мандаринов златые мониста.
Ты всегда, Нодарджан, в нашем дружном кругу!
Видя взгляд твой открытый и чистый,
Быть плохим человеком никак не могу!

А стараюсь хорошим быть. Снова и снова
Я в себе сомневаюсь, грущу. И вовек
Не забыть мне твое задушевное слово:
— Хороший человек!
Хороший человек!

¹ Герой романа Н. Думбадзе «Я, бабушка, Илико и Илларион».

СЕРДЦЕ МОЕ...

Москва! Дорогая! Тебя не напрасно
Зовут сердцем Родины. Ибо — прекрасна
Планида твоя: возвещаешь зарю
Земле по Октябрьскому календарю!
Ты плещешься в светлых волненьях, как море,
Ты — сердце, поэтому вечно в дозоре!
Ты — мерно стучишь в треволнениях века
Во имя спокойствия Человека.
Как всякий в Отчизне моей, назову
Мою дорогую, родную Москву
Я сердцем своим: правит Родиной всею,
А значит, и мною, судьбою моею.
Криница души! Из нее я беру —
Черпаю те силы, что служат добру.
Уверен я — Родина жить будет вечно,
Поскольку Москва моя всечеловечна!

Стучи, мое сердце! Желаю удачи!
Стучи, как стучится!
Не надо иначе!

СЕРГЕЙ ЕСЕНИН

Глаза слепит от бирюзовой сини.
Бежит Ока под самый небосвод.
Живет здесь парень. Вся душа России
В его душе, в его глазах живет.

В простой рубахе — в ситцевой сорочке —
Он слышит вдохновенный шум берез.
Улыбчивое небо в каждой строчке
Его стихов рассветно занялось.

В его глазах — поля, дожди косые,
Разлив реки и лепет тополей. . .
В лицо его глядится мать-Россия,
И, как о матери, печется он о ней.

Он так мятежно-нежен от природы!
Гляжу я на него — не нагляжусь.
Живет здесь парень. Он — дитя народа,
Дитя страны с названьем кратким — Русь.

Село Константиново

МАНОК

Когда меня бежит благое вдохновенье,
Я в маете мечусь, и нету мне спасенья,
Душа моя не спит, болит душа моя,
И в непокое вспоминаю я. . .

Цвел буйный клевер.
В поле, у дороги,
Стоят отец и мальчик босоногий.
Отец идет косить, а мальчик остается
Наедине с собой.
Он весел, он смеется:
Природой, что цветет вокруг него,
Он зачарован. . .
Может, оттого
В душе его неопытной гнездится
Благой покой. . .
Но вдруг — вспорхнула птица,
И воздух взрезали пернатые крыла!
В ребячью душу оторопь вошла —
Ведь только что, вот здесь, вспорхнула птица,
Теперь она ну разве что приснится! . .

. . .Отцовская шершавая рука
Ложится мне на голову.
По виду
Не скажешь, что растерян я, пока
Отец мой рядом.
На цветенье джиды

Бросает сеть он, достает манок,
Поет перепелихой...
Звуки эти
Для перепела — сладостное лихо:
Уж пойман он, лежит в сети у ног...

О годы!
О года!..
О детские виденья!..
Бежит меня подчас благое вдохновенье.
Мечусь я в маете, и в этот вечер длинный
Он — чую — упорхнул, мой стих перепелиный...
Как мальчик я стою:
О, где ж ты, моя птица?
О, где же ты, мой стих,
Который только мнится?
Лети ко мне!
Но стих безмолвствует. Пора
Мне успокоиться. Читаю до утра —
Читаю Пушкина... И, за листком листок,
Поет в моей душе пленительный манок,
Птенцам моей души не даст угомониться —
Летят они ко мне,
И мне опять не спится...

ЛЮБОВЬ

Ты — солнце.
Душа моя — небо.
От солнца в небе светло...

Гульчехра Джураева

Как полдневное небо, когда входит в зенит
Лучезарное солнце и тени
Исчезают, — любовь моя свет свой струит:
Я люблю, когда свет, а не темень!

Не в полуночной спячке туманных планет,
Не в мерцанье далеких созвездий —
Среди ясного неба мне любовь шлет привет,
Подает свои добрые вести.

Как хочу я, чтоб солнце туда, где закат,
С высоты своей не уходило!
Пусть приходят невзгоды!
Пусть годы летят —
Лишь бы ты мне светило, светило!..

МЕЛОДИИ МОРЯ

Звуки мелодий — в сердце поэта.
Бурному морю подобен поэт.
Плещет волнение в нем до рассвета,
Ибо покоя в душе его — нет!
Солнце душой его жаркой согрето;
Теплые песни он Солнцу поет.
В сердце поэта бушует планета —
Штормы ее и бураны ее.
Шелковый парус бесстрашного брига
В море души его реет, зовет —
В предощущении светлого мига:
Встречи с Поэзией — только вперед!
Сколько он судеб в себе вмещает! —
Не отбушует, волнует сердца.
Честного он от души привечает,
Глупого — учит, клеймит подлеца.
Бурное море поэту подобно:
Не умолкает ни ночью, ни днем.
Море на многое в жизни способно,
Ибо таятся мелодии в нем —
Те, что теснятся в груди Человека,
Миру безмолвия наперекор.
Море и люди — в дружбе от века,
С морем веду я свой разговор.

НА ЛОДКЕ

Латышскому поэту Иманту Зиедонису

Как будто мы в ореховой скорлупке —
Гребни волн
От берега все далее уносят утлый челн.
С тоской на берег я смотрю и, суетясь, верчусь:
Я, чувствую, боюсь. . .

— У моря, как у женщины,
Характер еще тот!
Как говорится, сцапает
И глазом не моргнет!
А если, разохотившись,
Начнет с тобой играть, —
Тогда несдобровать! . . —
Так говорил мне спутник мой,
Но я в ответ ему:
— Такое, извини меня, сравненье ни к чему.
Давай-ка мы о чем другом —
Уж ты меня прости! —
Ты лучше стих прочти!

С шумом волны балтийской спора,
Имант — в море! — читает о море:

«В объятиях моих
Ты, море, трепещешь.
Пока живешь,
Пока плещешь,
Мой не погаснет маяк.
Я

Плеск твой,
Блеск твой люблю,
Люблю, как жизнь,
Безбрежное море!
Моя ты шальная любовница,
Море! ..»

На море — песню морю Имант громкую поет,
А ветер его слушает и лодку вдаль несет.
А я — уж вышли в море мы — по сторонам
верчусь.
Неужто в самом деле я боюсь? ..

Пора бы вроде к берегу,
Пора бы повернуть!
Наверно, надо Иманту на это намекнуть:
— Да, море — это хорошо,
Но в море все же хуже,
Чем, — говорю, — на суше! ..

Но он меня не слушает. Ох, чую, быть беде!
В восторге Имант мне кричит:
— Мне хорошо везде! .. —
А я себе не нахожу, как говорится, места...
Но вот он лодку развернул назад —
О, наконец-то! ..

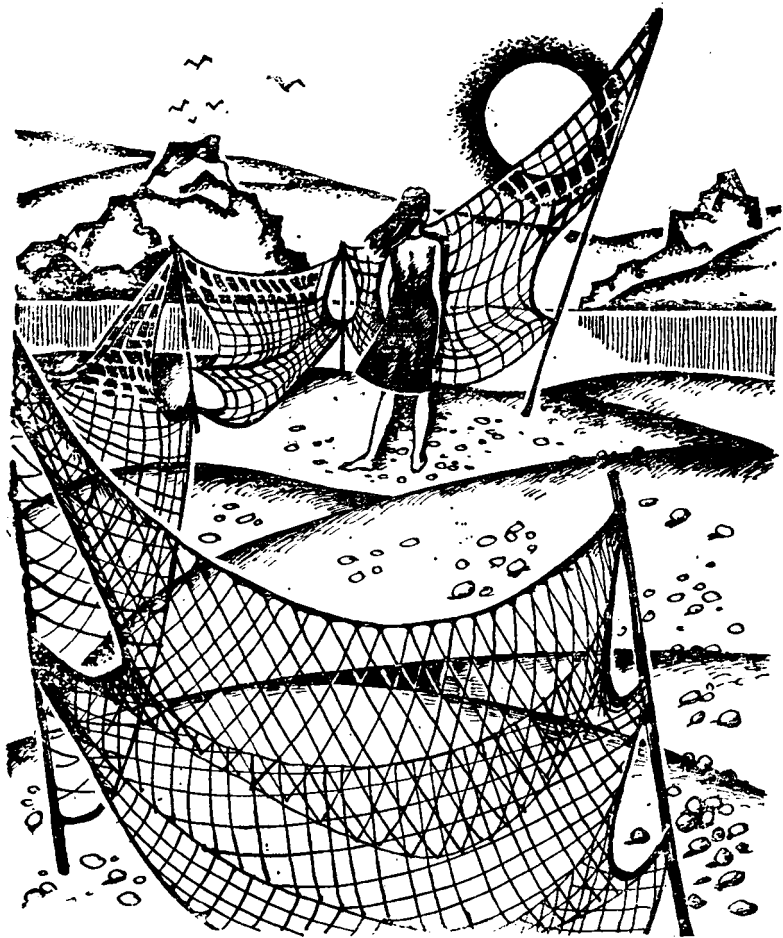
МОРЕ ВОЛНУЕТСЯ

Читаю Райниса...
Стихи его звучат,
Как если бы плескались волны моря.
И берега, заслушавшись, молчат,
И волны моря — с ними в разговоре.
Как море, так и мудрый, вещий Ян, —
Необозрим в своих стихотвореньях.
Как Ян читал их морю, — так и я
Читаю их.
Остановись, Мгновенье! ..
И волны, обнимая милый край,
Волнуются, и будто шепчет кто-то:
«Коль ты поэт, так ты стихи слагай!» —
И, взяв перо, сажусь я за работу.
... Перо трепещет. За строкой строка —
Друг с дружкой, как волны в хороводе.
Я слышу музыку — прекрасна и легка,
Она полна причудливых мелодий...
Читаю Райнису родного Навон,
И Райнис, причарованный газелью,
Читает мне в ответ стихи свои,
И полнится душа его весельем.
... Поэтов разделяет толща лет,
Но, вслушиваясь в голос двух шоиров,
Я ощущаю — животворный свет
Струится в сердце нынешнего мира.

* * *

Подобно лесу, море зашумело,
Вздохнуло глубоко... Застыв на миг,
Прислушиваюсь к морю.
В самом деле —
Сокрыт в его волненьях целый мир.
О чем-то шепчет иль на что-то ропщет?
Наверно, море лишь моря поймут.
Моря — как мы: по-разному живут,
А это означает, скажем в общем, —
Понять друг друга нам имеет смысл
И жить в единой дружбе, а не в ссоре!..

Пусть не нова — пришла мне эта мысль,
Когда со мной беседовало море...

О ЧЕМ МОРЕ МОЛЧИТ?..

Пусть вечно волнуется, пенится море,
Пусть не высыхает в веках!..
О, жизнь человека — и радость, и горе,
Ее он проводит в трудах.

Он пестует жизнь в первозданном цветенье
И, прожив как надо свой век,
Уходит от нас светоносною тенью —
Уходит от нас человек... .

Мы дни нашей жизни в заботах проводим,
Из бурь ее грозных с победой выходим,
Жизнь дальше, вперед,
Все идет и идет,
И плещется море, не зная забот,
И полнится солнцем лазурная даль...
Да, жизнь продолжается вечно.
Но жаль,
Что бег нашей жизни от века не вечен —
Он так скоротечен,
Он так скоротечен!..

Неужто душа за меня не болит
У моря?.. —
О чем оно, море, молчит?..

ВОЛНУЙСЯ, КАК МОРЕ!..

Ярится, клокочет,
Шумит и рокочет,
Покоя не знает,
Натужно ревет.
Волну за волной разбивает
И хочет
Плеснуть в небосвод!

А мне все равно! Я не море — я суша.
Пусть бьет, пусть стучится о берег волна —
Мою безмятежность, покой мой нарушить
Она не вольна!
Шуметь, волноваться — к чему, в самом деле?
В суетах себя не сумеешь найти —
Устанешь, иссякнешь, в стремлении к цели
Собьешься с пути.
К чему бесноваться?
Зачем торопиться? —
Чтоб насмерть о скалы глухие разбиться?..

Вот так рассуждал я под рокот волны,
Но чувствовал —
Мысли мои неверны.

Когда бы у моря да не было цели —
Зачем бы оно понапрасну ревело?
Зачем бы тогда обнимать горизонт
И атаковать недоступность высот?..

Не зря непокой его я принимаю,
И, слушая море и морю внимая,
Я чувствую: море, как песня, звучит
И сердце мое, словно море, стучит.
Да здравствуют волны!
Пусть радость, пусть горе —
Стучи, мое сердце,
Волнуйся, как море!

ШУМ

Шумело море — будто пело песню.
И я, стихи читая, тоже пел.
Занятно было, было интересно.
Казалось нам — петь песни наш удел.
Мелодии, сроднясь, переплетались
И, наполняя музыкой сердца,
Одна в одну легко переливались,
И чудилось — им не было конца.
И, кроме песен, не было ни звука,
Как будто в песне был извечный смысл,
И радость жизни, и печаль, и мука,
Но — где-то поджидала, зрела мысль:
Коль песня бесконечна —
Жизнь беспечна? . .
Нет, жить беспечно не пристало мне.
Пусть вечно —
Но не каждый миг, конечно, —
Душа поет мелодии волне.
И станет жизнь тогда лишь интересной,
Когда, в заботах, делается песней!

Так думал я . .
А где-то в небесах
Мотор зарокотал.
Все ближе, ближе,
Все громче . .
Самолета песню слыша,
О новых песнях, новых чудесах
Я думал . .

ПУСТЬ СЕРДЦЕ, КАК МОРЕ, ПОЕТ!

... А море поет,
Все поет и поет,
И сердце в согласии с морем живет:
Стучится, волнуясь, не зная покоя,
Бурлит и рокочет мое ретивое.
И следом за ним — уж ему не впервой! —
Смеется и радостью брызжет прибой.
Где радость рождается эта?
Далече! —
Быть может, пытаюсь ответить, — отвечу:
Наверно, не зря
Существуют моря —
Заря золотая
Под цвет янтаря,
Игривая сила бунтарской волны,
Прибой, как призыв к ожиданью весны,
Кораблики чаек в лазурном просторе —
Ах, как хорошо,
Что придумано море! ..
Пусть море в душе твоей вечно живет!
И пусть в необъятность души твоей — верится!
И пусть, словно море, волнуется сердце —
Земле сокровенные песни поет!

БУДУ ПОМНИТЬ МОРЕ!

В босоногом детстве
Море часто снилось,
Но увидеть море
Мне не доводилось.
Грезил я о море —
Голубом, широком,
В той далекой сказке,
В детстве босоногом.

Степи наполнялись
Вешними ветрами,
Поле выхвалялось
Спелыми хлебами,
Росными утрами
Приходили зори —
Все, что было внове,
Было словно море!

Море голубое!
Вольная стихия!
Не тебе ли часто
Посвящал стихи я?
Никогда с тобою
Раньше не встречался,
А сегодня встретил —
И очаровался!

Будто повзрослел — нет! —
Будто стал моложе,

Море мою душу
Бередит, тревожит.
От тебя теперь мне
Никуда не деться.
Будто побыл снова
В босоногом детстве...

* * *

Только вечер вступает в права —
И по небу над спящей землею
Звезды ясные тесной гурьбою
Прорастают, как будто трава.

А за час до рассвета тайком
Жнец невидимый выйдет с востока,
И небесная ляжет осока
Под наточенным лунным серпом.

Побледнеет она на глазах,
Посветлеет, пожухнет, увянет,
Тучей сена душистого станет —
Или светом зари в небесах? ..

Но раздвинется небо на треть,
И зажжется сияньем несмелым
Черный свет, обернувшийся белым, —
Не успеешь и песню допеть.

И опустится ветер с высот,
Колдовской урожай собирая, —
С горизонта копна золотая
Над притихшей землей поплывет.

День пришел! В голосах и в делах,
Оглушительный, радостный, грозный! ..
Но закатится солнце —

и звезды,
Как трава, прорастут в небесах. . .

* * *

Я хочу жить на свете, пока не устану —
И покоя искать никогда я не стану.
Хоть живем как хотим и свободны, как ветер,
Но в природе покой для живущих запрещен.
А иначе, не верящий мне, укажи —
Чем со смертью разнится покойная жизнь?
Даже горы бесстрастные — в вечном движенье:
То обвал, то лавина, а то изверженье.
Жалки те, кто считает: «Покой — это Путь!»
Не дай бог им на эту дорожку свернуть!
Разбазарят всю жизнь на бессмысленный поиск,
А воистину — только земля успокоит!
Если скажут вам: «Бросьте, покой неизбежен,
По истории — всякий мудрец безмятежен!»
Отвечайте смелей: «Безмятежен? — ничуть!
Ты попробовал в душу к нему заглянуть?!»

* * *

В глазах твоих золотится смех
И свет улыбок твоих,
Послушно даже солнце само,
Как в клетке, сверкает в них!

О чем говорят глаза твои? —
Что верить тебе нельзя,
Под страхом беды нельзя никому
Смотреть в такие глаза.

И стань ты самой желанной мне —
Я взор бы поднял с трудом:
В твои глаза не хочу попасть
И сделаться их рабом!

* * *

На лице неба как пятна облака.
То их разгонит ветер-баламут,
То опять повернут черные бока,
Сползутся, растянутся, заволокут. . .

Хоть бы ливень — все легче будет;
Так слезы горе с лица смывают.
Даже добро забывают люди,
И зло, измучив душу, исчезает.

Все сгинет в пропасти по имени Память! . .
Завтра-послезавтра помельтешит, пожалуй, —
Но неужели потом словно призрак канет
И добро, и зло, и терпенье, и жалость? . .

* * *

Я вспомнил сад, где мы с тобой бродили,
Где птица заливалась на ветвях, —
Мы влюблены, так влюблены мы были,
Что слезы закипали на очах,
Что сердце ныло от прекрасной боли,
Как будто искрою обожжено. . .
И небо — бесконечное. . . Оно
Почти невыносимо голубое. . .
А ты! . . .
А ты, весь мир преображая,
Ты рядом шла, и я сходил с ума:
Ты — рядом! Близкая и не чужая,
Единственная, милая, родная,
Ты — рядом, ты пришла ко мне сама! . . .
И мы с тобою шли. Мы понимали,
Что были одиноки до сих пор,
И мир был нов. И мы могли едва ли
Узнать и сад, и дом, и старый двор. . .
. . . С тех пор мы каждый день встречаем вместе.
И многое повыцвело вокруг.
То ли весь мир сегодня не на месте,
То ли глаза уже не те, мой друг.
Да мне одно доподлинно известно —
Случись какая радость ли, беда,
Но птицу ту, но этот сад чудесный
Мы будем помнить, как вчера, — всегда!
Вот из дому выходим мы с тобою.
И сад вдалн, запущенный давно. . .
И плачет сердце от прекрасной боли,
Как будто искрою обожжено. . .

* * *

Какой удивительный сплав эта жизнь!
Повсюду сливаются в нем воедино
Прекрасное с мерзким и пропасть с вершиной,
Да так перемешаны — только держись!

Поэтому ты среди тысяч людей
Найти одинаковых двух не сумеешь,
Хоть если ты даже объехать успеешь
Весь мир из-за прихоти странной своей.

И тварям земным — лишь за это одно
Великое, древнее чувство сиротства,
За эту сладчайшую горечь несходства —
На жизнь бесконечную право дано:

Цветок, осыпаясь, продолжен цветком,
Побег возродится в зеленом побеге,
И снег прошлогодний скрывается в снеге,
И мать продолжается в сыне своем. . .

Ложится виток за витком на спираль —
Продлится побег в круторогой скотине,
В букете бессмертен цветок на картине,
У сына в глазах затаилась печаль.

И каждый — отдельно на древе любви,
И все мы — единого дерева ветви. . .
Но нас разгоняют жестокие ветры —
Как листья, как тучи и как корабли.

* * *

Мы не были с тобой знакомы,
А я гляжу все из окна,
Как ты проходишь мимо дома
И моего двора — одна.
Тебя не задевая, годы
Толпой к моим дверям бегут,
А я все думаю: да кто ты?
Где дом твой? Как тебя зовут?
Зачем ты ходишь одиноко?
Куда? Откуда? Почему
Вослед сынишке моему
Глядишь, задумавшись глубоко?
Или мужчин не оказалось,
Твоей достойных красоты?
Иль в одиночестве осталась
По воле злого рока ты?
Иль счастья вовсе не искала?
Иль, уступив мольбам сестры,
Ей свадьбу пышную сыграла
И ждешь любви до сей поры? ..
О да, нежна ты и красива,
Не знаю, с чем тебя сравнить,
Твоя походка горделива,
Глаза твои темны, как сливы,
А брови вытянуты в нить. . .
Но я скажу тебе, послушай,
Не доверяйся зеркалам —

В них отражается послушно
То, что хотим мы видеть там.
Посмотришь в зеркало — и видишь,
Что нет красе твоей цены,
Что прочих ты умней и выше,
Что все любить тебя должны,
Что нет вокруг мужчин достойных,
Что надо гордо принца ждать, —
И будут годы беспокойно,
Как листья, мимо пролетать.
Поберегись, сгоришь напрасно
В огне пустых надежд одна,
Поблекнет свет очей прекрасных,
Вкрадется в косы седина,
И ты в тоске пойдешь по саду,
Но ветви будут пустовать, —
Плодов тяжелую отраду
Напрасно станешь там искать! ..
А погляди вокруг на равных —
Что отраженья в зеркалах! —
Увидишь ты джигитов славных
И счастье — в собственных руках.
Увидишь ты любовь, и песни,
И жизнь, и зелень на ветвях,
Душа для радости воскреснет,
И смех сверкнет в твоих глазах.
... Тогда замечу я однажды,
Как мимо этих же ворот
Джигит, торжественный и важный,
С тобою под руку пройдет.

* * *

Не верьте тому, кто вам будет твердить,
Что звезды на небе не плачут,
Что скалам гранитных сердец не разбить,
Как только взорвав — не иначе.
Не верьте, что плакать не может земля,
Что слез нету в реках ни капли! ..
Видали вы, как исторгают поля
Округлые темные камни?!

СЛОВО

Как только на двор надвигалась ночь
И звезд глаза появлялись в окне,
Все дела свои отодвинув прочь,
Бабушка сказки читала мне.

Она читала их все подряд,
В бездну памяти улетали часы, —
Бессмертный звенел в тишине рубайят
И гремели чеканные строки «Хамсы».

Она читала, а я повторял,
Про себя, незаметно, учил наизусть.
О, я бы полжизни теперь отдал,
Чтоб вернуться туда, пусть хоть на день, пусть!

Я понять не могу, как же теперь живу?
Что я делаю? Кем я стал?
Я же сны золотые видал наяву
И по воздуху вольно, как птица, летал!

Алпамыш мне являлся ночами во сне,
Я касался доспехов на крутых плечах,
Байчибар со ржаньем подбегал ко мне —
Собирал ему клевер всю ночь на лугах.

Просыпался в холодном поту порой;
— Не пей! — пересохшим ворочая языком,
Когда с отравленною пиалой
К Фархаду колдунья подбиралась тайком.

А он целовал, не чувствуя зла,
Пиалу, что Ширин поднимала в руках, —
И, словно звучащая пиала,
Стон застревал на моих губах.

Когда Меджнун собой укрывал
Лейлу от зноя, как саксаул,
Я слезы горькие проливал,
Будто надежды их обманул.

Трепетали от ужаса губы мои,
Когда от стен родных вдалеке
По быстрым волнам Амударьи
С Тахиром вместе я плыл в сундуке.

Вместе с Рустамом скакал на коне,
С войсками шел Искандеру вослед...
И не знал, что, оказывается, во мне
Зажигала бабушка тайный свет.

«Чтоб твой свет никогда не погас!» —
Все сбывается, как ты учила меня,
Вот я вырос, и вот я сейчас
Несу в себе отблеск твоего огня.

Огонь знания — ярче тысяч костров
Во тьме души моей запылал,
В этом мире увидел я много миров
И — богаче, добрее, красивее стал.

Я хочу, чтобы каждый счастья дары
Увидел при ярком пламени том,
Чтобы каждый открывал свои миры,
Чтобы каждый горел таким же огнем!

ЗВЕЗДНЫЙ ДОЖДЬ

Звезды падают прямо из рук
У влюбленных за час до рассвета,
Но лишь лунный светящийся круг,
Но лишь тени узнают про это...

Облетают ли листья, шурша,
Зеленеет ли долгое лето, —
Как всегда, ты проходишь, спеша,
Оставляя мой взгляд без ответа.

Тает время, как снег по весне,
Я окликнуть тебя не решаюсь...
Ты уходишь, но кажется мне,
Я все больше к тебе приближаюсь.

И решил я дожждаться дождя.
Все теперь переменится сразу!
Я скажу: «Оглянись, уходя!» —
Словно дождь прошептал эту фразу.

Дождь по листьям, по крышам стучал:
И впервые ты мне улыбнулась!
Ничего, что опять я молчал;
Ты на шепот дождя оглянулась...

Только лунный светящийся круг,
Только сумерки знают про это:
Звезды падают прямо из рук
У влюбленных за час до рассвета...

* * *

Мне бы слово такое нежное,
Чтобы сердце твое отомкнуть...
Но мешает завеса снежная
Мне в глаза твои заглянуть!

Где найти мне такое слово,
Что из сказок, из добрых снов?..
А метель завывает снова,
И не слышно негромких слов.

Если выслушать ты готова —
Загорелся надежды луч.
Я в снегу отыщу то слово,
Как волшебный потерянный ключ.

* * *

Не беззвучна природа,
Но под сводом ветвей
В ожиданье восхода
Слышен лишь соловей.

В пестром многоязычье,
В гулкой чаще лесов
Этò пение птичье
Чище всех голосов.

Пусть кукушка гадает —
Век не станет длинней:
Соловей не считает
Ни рассветов, ни дней.

Соловьиное пенье
Так прекрасно не зря:
С ним восходы яснее,
С ним светлее заря!

Соловьиное утро
Отпоет, отгорит,
Жизнь устроена мудро —
Долгий день предстоит.

Будет долгое лето —
Пусть же в каждом из дней
Будет песня рассвета —
Пой еще, соловей!

Лист распусться каждый,
Каждый хрупкий бутон:
Соловья хоть однажды
Пусть услышит и он.

Это значит немало:
Петь, чтоб солнце для всех
Над землей засияло,
Чтобы слышался смех.

Чтобы песне продлиться,
Позабудь о себе...
Пой о том, что вершится
Во всеобщей судьбе!

* * *

Довелось услышать мне однажды:
«От красивых женщин жди беды! —
Красота лишь вызывает жажду,
Как мираж в пустыне без воды».

Может, вправду есть закономерность,
И молва недаром говорит,
Что враждует с красотой верность
И обманет то, что так манит?

Нет, сравнение это неудачно:
В жизни так, а не наоборот:
Чистая вода всегда прозрачна
И без червоточин сладок плод.

И наверно, согласится каждый —
Прав мудрец, который говорит:
«Красота рождает в людях жажду.
Ту, что только верность утолит».

* * *

Ты сияешь кожей белоснежной.
На красу твою не без тревоги
Я смотрю: такой небесно-нежной
Не поранить бы о землю ноги!

На лице твоём играют краски,
Тонкие, почти прозрачны руки...
Кажется, от осторожной ласки
Чувств лишишься, как от страшной муки.

Орхидея, росшая в теплице!
Ведь простой сквозняк тебя погубит!
Ну, а если буря разразится?
Жаль того мне, кто тебя полюбит!

На любовь ответишь ты едва ли:
Для тебя опасно чувство это.
Ведь не зря тебя оберегали
От прямого солнечного света!

Ты живешь, с судьбой своей не споря,
Но способна вызвать лишь участие:
Может быть, ты не узнаешь горя,
Но уж точно не узнаешь счастья!

ОТЕЧЕСКОЕ СЛОВО

Делу — считали мы — время,
А для потехи — лишь час...
Жизни суровое бремя
Тяжко давило на нас.

Так ли живут наши дети? —
Всё развлечения, смех...
Спросишь: а кто же в ответе
И за себя, и за всех?

Сытым, обутом, одетым,
Легче им жизненный путь...
Я ведь отец, и за это
Их не могу упрекнуть.

Вряд ли их сильные плечи
Тяжесть способны нести.
Что — безответственность!.. Речи
Лучше о ней не вести... .

Лучше бы нам присмотреться,
Так ли они хороши:
С их безразличием в сердце,
С ленью ума и души!

Мы воспитали их плохо!
Только поди объясни:
Мы собирали по крохам
То, что не ценят они!

Скажешь, что сын избалован, —
Сразу родители в крик:
«Он ведь умен, образован,
К жизни хорошей привык!»

Вот и растут недотроги;
Школа, семья, институт,
Их по широкой дороге
За руку к жизни ведут. . .

И в двадцать пять — еще дети, —
Так бережем их, любя!
Странные юноши эти —
Не узнаю в них себя!

Сын, ты подумай, что будет,
Если узнает народ —
Мать по утрам тебя будит:
«Не опоздай на завод!»

Изнемогая от лени,
Что вы способны свершить?
Юность без ясных стремлений!
Как вы намерены жить?

Сын, отвечаешь ты бойко
Лишь на отцовский вопрос!
Жизнь тебе выставит «двойку»,
Если уж спросит всерьез. . .

Юность сегодня — на БАМе,
В космосе, на целине! . .
Ты — не помог даже маме,
Не говорю уж — стране. . .

Сын, разговоры от дела
В жизни сумей отличить;

Ты закали свое тело,
Волю, чтоб людям служить!

Не краснобай-собеседник,
Что развалился в тепле:
Мой настоящий наследник —
Тот, кто идет по земле,

Кто поднимается в небо,
Кто не боится врага,
Воин и сеятель хлеба,
Тот, кому честь дорога!

Верь мне — кто трудится много,
Тот меньше всех говорит.
Ждет вас крутая дорога,
Будь же отважен, джигит!

* * *

Дед дехкапин был, но лучшей доли
Не искал, и, презирая лень,
Он отцу в наследство лишь мозоли
Передал, да к ним еще кетмень.

Это же нехитрое наследство
Мой отец оставил для меня:
Ведь и у меня ладони с детства
Дружат с рукояткой кетменя...

Я немолод, но работа в поле
Мне дала закалку на года,
Верьте — головной не знаю боли,
Сердце не болело никогда!

И сейчас еще весной и летом
Я опять тружусь в родном селе
И на поле выхожу с рассветом,
Властный зов влечет меня к земле!

Нет, не праздность сохраняет тело,
Нет, мозоли — это не беда!
Человека закаляет дело,
Человек лишь крепнет от труда.

Ну, а если хочешь жить в достатке —
Нынче по работе и почет!
Только не рублю и не десятке,
А труду поклонится народ!

И, выходит, лучшего наследства
Мне отец оставить и не мог:
Труд — от всех на свете хворей средство,
Труд — и уважения залог!

ПЕСНЯ МОЕГО ДЕДА

Дед, всегда такой скупой на слово,
За конем по пахоте идет.
И весной, и осенью он снова
Песню бесконечную поет:

«Смерть, не приходи ко мне зимою,
Не для смерти — зимняя пора...
Если хочешь встретиться со мною,
Лучше приходи, когда жара!

Смерть, не забирай меня голодным!
Приходи за мной, когда я сыт.
Не больным и немощным — свободным
Пусть в бою погибну, как джигит!»

Шерсть коня блестит от капель пота,
Дед ладони опустил в арык...
Бесконечна дедова работа,
Он остановился лишь на миг.

Дастархан цветной под крышей неба —
Деду в поле я принес еду.
Кисти винограда, ломти хлеба
Перед ним на скатерть я кладу.

Дед меня всем этим угощает,
Лишь немного сам поел шавля¹,

¹ Шавля — рисовая каша.

И сидит на пашне, отдыхает,
Шепчет, чуть губами шевеля:

«Дай, весна, полям воды напиться,
Дай дехканам после всех трудов
Красотой цветенья насладиться,
А потом и тяжестью плодов!

Летний зной пусть будет долгим, сильным;
Лето, ты земле согреться дай,
Чтобы был богатым и обильным,
Чтобы щедрым был наш урожай!»

Я не все в той песне понимаю,
Но привычен дедовский мотив,
И слова за дедом повторяю,
Смысла их еще не уловив:

«Ласточка, спеши скорей в дорогу,
Радостью со мною поделись!
Возвращайся к моему порогу,
У меня под крышей поселись.

Свей, прошу, гнездо свое понниже, —
Буду защищать его от змей.
Ласточка, садись ко мне поближе,
Залетай во двор ко мне смелей!

Свей гнездо у моего окошка,
Поселись у моего крыльца.
Не позволю, чтобы злая кошка
Утащила у тебя птенца!»

Кончился короткий час обеда,
Дед коня выводит в поводу.
И, стараясь походить на деда,
Я за ним по пахоте иду.

Наставленья деда вспоминая,
И себе работу нахожу —
С пашни комья глины собираю:
Разобью и в землю положу!

Эти комья в землю превращая,
Выполняя дедовский завет,
Я не понимал тогда, играя:
Мудрым человеком был мой дед!

Пот со лба ладонью вытирает,
Снова понукает дед коня,
С песнею работу продолжает,
На лице спокойствие храня.

Я тогда стихов еще не слышал,
Я еще не ведал букваря,
Только с дедом в поле рано вышел,
Песню ту услышал я не зря!

Лишь теперь, когда я сам седею,
С постиженьем жизненных основ,
Кажется, вот-вот я овладею
Древней тайной тех нехитрых слов:

«Осенью, зимой, весной и летом,
Смерть, прошу, не прерывай мой путь,
Смерть, не приходи перед рассветом,
Дай еще на солнце мне взглянуть!

Дай свершиться птичьему полету,
Зверя на бегу не убивай!
Смерть, не прерывай мою работу,
Краткий отдых мой не прерывай!

Смерть, не трогай старика в кровати,
Воина живым оставь в седле. . .

Ночью, утром, днем и на закате,
Смерть, не появляйся на земле!»

От меня услышав песню деда,
Сын ее когда-нибудь споет...
Это ли над смертью не победа —
Если память нас переживет!

С камнем, и с водой, и с веткой сада —
Я запомнил это с детских пор, —
С вечностью вести на равных надо
Человеку долгий разговор...

* * *

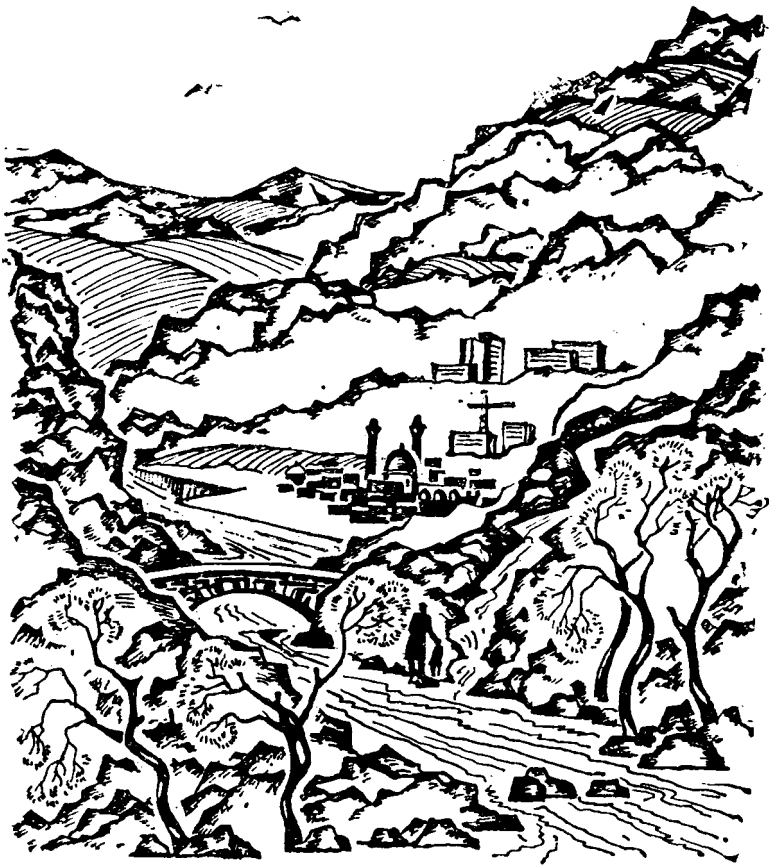
«Весь в отца!» — про сына говорили.
Дед его ягненком называл...
Мы его без памяти любили,
Правда, строг я с ним порой бывал.

Кто-нибудь ребенка приласкает,
Спросит в шутку: «Чей же ты, сынок?»
«Папин!» или «Мамин!» — отвечает.
Как иначе он ответить мог?

В воинском строю теперь шагает
Взрослый сын. Он стал в ряды мужчин.
И тревога сердце мне сжимает,
Хоть и знаю — нет на то причин.

Служит он сегодня в Подмоскowie,
От родного края далеко.
В письмах сотни раз твержу с любовью:
«Ждать тебя нам с мамой нелегко!»

Хоть немало лет живу на свете,
Лишь недавно сердцем понял я:
Ведь они — не только наши дети —
Родины великой сыновья!

* * *

Узбек я — сын свободного народа,
Я сын своей земли, своей страны.
Я — Родины солдат, и на два года
Ключи ее границ мне вручены.

Я знаю — труд мой ратный очень важен,
И помню я, что глаз нельзя сомкнуть.
Да, я узбек! Я молод и отважен,
И враг меня не сможет обмануть.

Пусть командир суровой будет вдвое,
Пусть на ученьях будет горячо,
Солдаты мы. Мы — братство боевое,
И рядом — друга крепкое плечо.

Я сын миролюбивого народа,
И в редкие минуты тишины
Я — воин, слышу, как живет природа
Моей земли, моей большой страны.

В казарму шум капли долетает,
Или в дозоре я всю ночь без сна, —
Я слышу — снег, обрушиваясь, тает,
Я слышу — приближается весна...

И не заснуть хочу я в эти ночи,
Но, кажется, полжизни я отдам,
Чтоб, девушке любимой глядя в очи,
Бродить по расцветающим садам...

Я — пахарь, но сегодня здесь нужнее:
Мне Родину доверено хранить!
Я превратить всю землю в сад сумею,
Я этот сад сумею защитить.

Во мне живет святое чувство долга,
И в жилах — кровь отца-богатыря!
За мной сейчас — Аму, и Сыр, и Волга...
И я ношу оружие не зря.

СЛУЧАИ В МИХАЙЛОВСКОМ

Мы к славе все с годами холодеем...
Но — вечность! Нас волнует слово это!
С друзьями мы бродили по аллеям
В Михайловском, где помнит всё Поэта...

Заканчивалось северное лето,
Уж листья на деревьях пожелтели.
Как обрамленье старого портрета
Стволы под тусклым золотом темнели.

Да, то была не только с прошлым встреча!
И чувства, что тогда владели нами,
И мысли — уносили нас далече...
Но трудно это выразить словами!

Конечно, все для нас здесь было ново,
Казалось, и в природе здесь дышала
Поэзия, чье искреннее слово
Для нас глаголом Пушкина звучало...

Я уносился к солнцу через бури,
Его страницы раскрывая парус...
Мудрец — он юн был по своей натуре,
А я, как все, — мудрея, быстро старюсь.

Я сам порой сочувствую себе —
Все в жизни для меня теперь сложнее,
Излишне чутким стал к своей судьбе.
Или судьбы удары все больше?

Все позади — загадки бытия,
И над собою первая победа...
Что первое запомнил в жизни я?
Наверно, все же наставленья деда!

Бывало, дед «учил» меня прутом...
Мне крепко от него перепадало!
Ему я благодарен: ведь потом
Жизнь за ошибки и не так трепала!

Теперь я знаю — дед меня любил:
Терпенью научить хотел он внука,
Терпение — основа наших сил,
Терпение — и мужеству порука.

Теперь бы все, наверно, мог стерпеть,
Теперь всему я смог бы научиться...
Но старость у порога — не запеть,
Не улететь за тучи, словно птица.

Уже заметна стала седина,
Сильнее к непогоде ломит тело...
Наука жизни преодолена —
Но жизнь за той наукой пролетела!..

Мне думалось легко в святом краю,
Где гений — внук арапа Ганнибала —
Обдумывал когда-то жизнь свою,
Предчувствуя, что жить осталось мало...

Да, жизнь его полвека не продлилась;
Но отчего же нам всегда казалось,
Что в ней не только прошлое излилось,
Но будущее наше рисовалось...

Друзья мои о многом толковали,
А я молчал и слушал эти речи...

Вдруг ветка, под которой мы стояли,
Склонилась тихо — прямо мне на плечи!

Друзья лишь головами покачали,
Шепнул лишь кто-то: «Ведь еще немного...»
Все тайный смысл в случившемся искали,
И поминали черта или бога...

Потом меня трясли и обнимали:
«Тебя спас дух великого Поэта!»
«Ты меньше века проживешь едва ли,
Раз уцелел, — такая есть примета!»

Они шутили: «Палка Ганнибала
Поэту в жизни — лучшая наука!
Та ветвь тебя недаром указала,
Старик арап в тебе узнал бы внука!»

Один сказал: «Да это — славы бремя
Сейчас, должно быть, на тебя свалилось!»
Но я-то знал — ту ветвь склонило время,
Которое столетьями копилось!

Которое струилось по аллее,
По листьям тенью медленной катилось...
Но это знак недобрый был, скорее,
О том, что в жизни что-то изменилось.

Ветвь обломилась, листьями желтея.
Она внезапно с деревом простилась...
Так старцы умирают, не болея,
И принимают смерть, как будто милость.

Лишь дерево стояло обелиском —
Кора темна, как кожа Ганнибала...
Оно давно не помнило о близком —
Оно собой столетья измеряло!

И ощутил тогда я каждой клеткой,
Что вечность, как вода, сошлась кругами,
Смыкаясь надо мной и этой веткой...
Забвение лежит меж берегами!

Я не успел еще понять, в чем дело,
Но случай тот задуматься заставил:
Крыло судьбы над нами пролетело! —
И шутки без ответа я оставил...

И сердце у меня похолодело,
И, кажется, на миг остановилось...
И понял я, что жизнь — не без предела,
Хотя б она к пределу не стремилась...

Не знаю, что во мне вдруг пробудилось,
Все словно озарилось ярким светом:
Во мне всех предков память возродилась,
Я не пытаюсь рассказать об этом!

Все у меня слилось перед глазами:
И то, что нам узнать дано по книгам,
И то, что в жизни происходит с нами, —
Века мне показались кратким мигом...

И на секунду время мне предстало
Древесным срезом, с запахом смолистым,
И кольца годовые в нем устало
В спираль свивались на изломе чистом...

Я видел, как в песок уходят реки,
Как гибнут государства и народы...
Но слово прорастает в человеке,
Чтоб бил он снова в колокол свободы...

Да, сила уступает только силе,
Но что сильнее истины нетленной?

Те, что при жизни истину гласили,
Бессмертными пребудут во Вселенной.

И кровью рук не обагрят пророк,
Хоть враг поднимет руку на пророка:
Тот, кто велик, не может быть жесток,
Пускай судьба была к нему жестока...

Но как измерить дар поэта миру?
Ведь лучшее в нас открывает гений,
Сумев настроить душу, словно лиру,
Легчайшими из всех прикосновений!

* * *

Говорят, в ногах, мол, правды нет,
Но скажите мне, при чем тут ноги,
Если их хозяин целый свет
Исходил без цели, без дороги?

Если на уме одна гульба,
Если дни и годы пустоваты, —
Вряд ли пользу принесет ходьба,
Только ноги в том не виноваты.

Правды нет в ногах, но верь молве —
Есть присловье мудрое такое:
Если нет порядка в голове,
То не будет и ногам покоя...

* * *

Там, где солнце яростно обжигает веки,
Где песок пустыни, как вода, течет,
Поселилось племя мирное — узбеки,
И живет поныне гордый мой народ!

Сколько же трудились на земле узбеки,
Чтоб поля не выжгло солнечным огнем,
Чтоб арыки эти, бурные, как реки,
Проложить вручную, вырыть кетменем?

Сравнивать с горами — лет, выходит, мало
Мы живем в долинах рек Аму и Сыр:
Время ведь с землею горы не сровняло, —
Значит, изменился не намного мир!

Таяли столетья, как песок в ладони,
Но Октябрьский ветер изменил наш век!
Все быстрее время, — как степные кони,
Ускоряют годы новый свой разбег!

Можно жизнь измерить радостью и горем,
Засухой жестокой, щедрою водой. . .
Тек ручей — но стал он полноводным морем!
Был народ как старец — стал он молодой!

Стала жизнь узбека лучше и красивей:
Хлебороб, ученый, пахарь и кузнец,
Об руку с великой матерью-Россией
Мой Узбекистан, мой дорогой отец!

СОДЕРЖАНИЕ

Перевел Михаил Шаповалов

Пути-дороги	3
Агава	5
На улицах	6
На берегу Невы	7
Побратим звезд	9
«Дождями с неба, талым снегом с гор...»	12
Сабля в Хивинском музее	13
Весенний поток	14
«В потоке лет уходят мои годы...»	15
Где б ни был я	17
Водопад	19
Береза	20
Тоштепе	21
Думы у надгробия Александра Невского	24
Свет хлопка	25

Перевел Андрей Суздальцев

Сын Земли	34
Звезда детства	35
«Он был от века фантазером...»	37
«Как хлопок ослепительным крылом...»	38
Фонарь чабана	39
Сарвару	40
Галька	42
Возлюбленная	43
Личная тетрадь	
1. В день твоего рождения	44
2. Тебе посвященное слово	45
3. Единственная моя	46
Моя радость	48
Осада	50
Лайлатуркадр	51
Твой дар	53
«Когда уехала она...»	55
«И ослепляла желтизной пустыня...»	56
Мать	57

Отражение	58
«Тот тополь рос в таинственной ночи...»	59
Первый шаг	60
Опора	61
Эта девушка	63
Дождь	64
«Как светлая птица ты, юность...»	65
«Этот свет над дорогой пыльной...»	66

Перевел Роберт Винонен

«Снова солнце, счастье и работа...»	67
Чинары	68
Люби цветы	69
В чужой стране	70
«Все понял я, письмо твое читая...»	71

Перевел Александр Шуплов

Мир фиалок	72
Каска	74
«Я в горы поднимусь с любимой...»	76
Маяковский и Хамза	77
«Мы связаны одной судьбой и веком...»	78
«Мне нравилось в юную пору...»	79
«Каждый день лежит моя дорога...»	81
Для тебя	82
Стихи о любимой	84
«В огне твоей любви...»	86

Перевел Борис Романов

Тутовник	87
«Читатели мягким считают меня...»	88
Междуны	89
«Не вверяйся сомнениям века...»	90
«Я друга не нашел», — стонал Бабур...»	91
«Постучали сваты и в мои ворота...»	92
«Опять приснилась бабушка, опять...»	93
Просто проходящая	94
Мосты	95
Зеленое дерево	96
В саду	99
Хороший человек	100

Перевел Борис Пчелинцев

Сердце мое	102
Сергей Есенин	103
Манок	104
Любовь	106
Мелодии моря	107
На лодке	108
Море волнуется	110
«Подобно лесу, море зашумело...»	111
О чем море молчит?...	113
Волнуйся, как море!	114
Шум	116
Пусть сердце, как море, поет!	117
Буду помнить море!	118

Перевел Илья Колли

«Только вечер вступает в права...»	120
«Я хочу жить на свете, пока не устану...»	121
«В глазах твоих золотится смех...»	122
«На лице неба — как пятна, облака...»	123
«Я вспомнил сад, где мы с тобой бродили...»	124
«Какой удивительный сплав эта жизнь!...»	125
«Мы не были с тобой знакомы...»	126
«Не верьте тому, кто вам будет твердить...»	128
Слово	129

Перевел Аркадий Тюрин

Звездный дождь	131
«Мне бы слово такое нежное...»	132
«Не беззвучна природа...»	133
«Довелось услышать мне однажды...»	135
«Ты сияешь кожей белоснежной...»	136
Отеческое слово	137
«Дед дехканин был, но лучшей доли...»	140
Песня моего деда	142
«Весь в отца!» — про сына говорили...»	146
«Узбек я — сын свободного народа...»	148
Случай в Михайловском	150
«Говорят, в ногах, мол, правды нет...»	155
«Там, где солнце яростно обжигает веки...»	156

Сайяр
(*Сайорпулат Файзуллаев*)

ФОНАРЬ ЧАБАНА

М., «Советский писатель», 1986, 160 стр.

План выпуска 1987 г. № 355

Редактор *А. И. Канькин*

Худож. редактор *Д. С. Мухин*

Техн. редактор *Г. В. Белькова*

Корректор *Т. М. Павлюченко*

ИБ № 5864

Сдано в набор 24.04.86. Подписано к печати 31.07.86. Формат 70×108^{1/8}.
Бумага тип. № 1. Литературная гарнитура. Высокая печать. Усл. печ. л. 7.0.
Уч.-изд. л. 4.65. Тираж 3800 экз. Заказ № 259. Цена 55 коп. Ордена
Дружбы народов издательство «Советский писатель», 121069, Москва, ул. Во-
ровского, 11. Ордена Трудового Красного Знамени Ленинградская типогра-
фия № 5 Союзполиграфпрома при Государственном комитете СССР по делам
издательств, полиграфии и книжной торговли. 190000, Ленинград, центр,
Красная ул., 1/3